
Виолетта Весна
Развод с генералом.
Я год тебя прощала

Виолетта Весна

Развод с генералом. Я год тебя прощала

https://litres.ru/74782588
SelfPub; 2026

Аннотация

— Я же все исправил, Марина! Я целый год старался!

— А я год тебя прощала, Миш. Каждый день. Только любовь так и не вернулась.

Двадцать три года я была женой генерала. Верила мужу, растила дочь, ждала его со службы. Пока не узнала, что пять месяцев он делил нашу любовь с другой женщиной.

Я не ушла. Поверила его слезам, раскаянию и обещаниям. И он действительно изменился. Стал внимательным, заботливым, верным.

Только я больше не была счастлива.

Однажды муж уехал в командировку на пять дней. И впервые за целый год я спокойно уснула. Не потому, что простила предательство. А потому, что его не было рядом.

Теперь генерал умоляет дать ему еще один шанс. Дочь просит не разрушать семью. А я в сорок пять собираю вещи и ухожу.

Не к любовнику. Не ради мести. Ради себя.

Я думала, что больше никогда не смогу полюбить. Но одна встреча изменит все.

И теперь мне предстоит самое трудное — позволить себе быть счастливой, даже если мужчина, которого я оставила, все еще меня любит.

Содержание

Глава 1. Пять дней тишины 5
Глава 2. Мы попробовали 43
Глава 3. Ключ от чужой квартиры 97
Конец ознакомительного фрагмента. 135

Виолетта Весна
Развод с генералом. Я год тебя прощала

Глава 1. Пять дней тишины

Михаил купил хлеб. Третью буханку за два дня.

Я обнаружила ее утром, когда открыла шкафчик над столом. Две предыдущие лежали там же, в бумажных пакетах, а свежую муж заботливо положил сверху.

— Миш, зачем столько?

Он обернулся от дорожной сумки.

— А что?

— Хлеба. Нам его недели на две хватит.

— Ты же любишь тот, с семечками. Вчера в магазине не было, сегодня появился. Я взял.

— Спасибо, конечно. Но ты в курсе, что я умею ходить в магазин?

Михаил посмотрел на меня, потом на три пакета. Улыбнулся.

— Перестарался.

Я ответила на его улыбку.

Еще год назад я не могла представить, что буду раздра-

жаться из-за лишней буханки. Тогда мне хотелось совсем другого. Чтобы муж чаще бывал дома, спрашивал, как прошел мой день, помнил, какой хлеб я люблю. Чтобы его телефон не лежал экраном вниз.

Теперь все это было.

Даже хлеба оказалось слишком много.

— Я уберу в морозилку, — сказала я.

— Давай я сам. Ты кофе пей, остынет.

Он забрал у меня пакеты и занялся холодильником.

Я села к столу, обхватила чашку ладонями и посмотрела на часы. Без четверти семь. За окном еще толком не рассвело. В стекле отражалась кухня: светлые фасады, чайник у стены, мужчина в домашней футболке, который пытался найти место для хлеба среди пакетов с овощами.

Обычное утро в обычной семье.

Если бы кто-нибудь заглянул сейчас к нам в окно, он наверняка решил бы, что нам хорошо.

Я и сама так иногда думала.

— Ты зарядку взял? — спросила я.

— Взял.

— Очки?

— Марин, я не первый раз уезжаю.

— Знаю.

Михаил закрыл морозильную камеру и подошел к столу.

— На самом деле очки не взял. Спасибо.

Мы рассмеялись.

За двадцать три года брака у нас накопились сотни таких разговоров. Я напоминала об очках, он забывал, мы смеялись. И раньше мне нравилось, что я знаю мужа лучше всех. Как он пьет кофе, когда нервничает. Почему не любит новые рубашки. Как ворчит на неудобную обувь, но все равно покупает похожую.

Мне нравилось быть его женой. Долго нравилось.

Михаил положил футляр с очками рядом с сумкой и вернулся за стол.

На нем были серые домашние брюки и старая темно-синяя футболка, которую он никак не соглашался выбросить. Через сорок минут он переоденется в форму, застегнет воротник, проверит документы и станет тем самым генерал-майором Корнеевым, к которому подчиненные обращаются по имени и отчеству.

А пока передо мной сидел Миша. С едва заметной сединой на висках, упрямой складкой между бровями и маленьким шрамом у подбородка. Шрам он получил еще курсантом, когда неудачно упал с велосипеда. Всякий раз рассказывал эту историю по-разному. То велосипед был спортивный, то он спускался с горы, то пытался догнать приятеля.

Когда-то я дразнила его за это, а теперь давно не спрашивала.

— Меня до субботы не будет, — напомнил он. — В пятницу вечером все заканчивается, но обратно выедем только утром. Ты в воскресенье свободна?

— Пока да. А что?

— Можно съездить за город. Просто погулять. Ты говорила, что давно никуда не выбирались.

— Посмотрим.

— Если погода будет нормальная.

— Миш, я поняла.

Раньше после такого ответа он мог начать убеждать меня. Объяснять, что выходные надо планировать заранее, иначе опять просидим дома. Теперь не стал.

Взял чашку и сделал глоток.

— Я не настаиваю, Марин.

— Хорошо.

Между нами повисла пауза.

Я вдруг подумала, что за последний год наше общение стало удивительно осторожным. Михаил старался ничего не требовать. Я старалась не обижаться. Он следил за тоном, я подбирала слова. Мы словно жили в комнате, где недавно разбилась дорогая ваза, и теперь оба боялись наступить на осколок.

Хотя пол давно подмели.

Михаил посмотрел на меня.

— Ты нормально спала?

— Да. А ты?

— Тоже.

Это была неправда.

Ночью он дважды вставал. Я слышала, как открывалась

дверь ванной, как шумела вода. Потом он долго ворочался рядом.

Я тоже не спала.

Но мы оба сказали, что все хорошо.

— Марин.

— Что?

— Если надумаешь с морем, посмотри гостиницы. Я вчера нашел несколько вариантов. Скинул тебе.

— Видела.

— Там у одной прямо из окна залив. Тебе понравится.

— Возможно.

— Ты же хотела на Балтику.

Хотела.

Еще весной я показывала ему фотографии маленького приморского городка. Узкие улочки, старые дома, холодное море и пустой пляж. Михаил тогда предложил осенью взять отпуск и поехать вдвоем.

Мне понравилась идея. Я даже купила путеводитель. Он лежал в ящике прикроватной тумбочки — я открывала его всего один раз.

— Вечером посмотрю, — пообещала я.

Муж накрыл мою руку ладонью.

Большая, теплая ладонь. Знакомое прикосновение.

Я не отдернула пальцы.

Он слегка сжал их, улыбнулся и отпустил.

— Ладно. Пойду переоденусь.

Я осталась за столом.

На поверхности кофе плавало маленькое светлое пятнышко. Сливки плохо размешались. Я взяла ложку, размешала кофе и поняла, что больше не хочу пить.

Год назад, почти день в день, я увидела сообщение на телефоне мужа.

Не потому, что следила за ним.

Телефон лежал на кухонном столе, пока Михаил был в душе. Экран загорелся, когда я убирала со стола тарелки.

«Я скучаю по тебе. Когда мы снова останемся вдвоем?»

Отправитель — Вероника.

Я помнила каждое слово.

Сначала почему-то подумала, что сообщение предназначалось не ему. Бывает же, люди ошибаются номером. Или перепутали переписки.

Потом увидела сердечко. И еще одну фразу, которая появилась на экране следом.

«Вчера было так хорошо».

Я долго стояла с тарелкой в руках.

Даже сейчас помнила ее вес и то, как холодная вода капнула мне на запястье.

Когда Михаил вышел из ванной, я спросила:

— Кто такая Вероника?

Он не сразу понял, что произошло.

Именно эта короткая заминка потом вспоминалась мне чаще всего. Не признание, не ссора, не его извинения.

То, как он задержал дыхание, прежде чем ответить.

Сначала сказал, что это знакомая по работе. Потом — что между ними ничего серьезного. А позже признался, что встречался с ней уже пять месяцев.

Пять месяцев.

Пока мы выбирали подарок дочери на день рождения. Пока отмечали нашу годовщину. Пока я готовила ему ужин после тяжелых дней и жалела, что он так устает.

Я не подозревала ничего.

Вернее, замечала некоторые вещи. Но всякий раз находила разумное объяснение. Он много работал. У него ответственные обязанности. В сорок с лишним лет люди иногда становятся раздражительными. У всех бывают сложные периоды.

Роман с Вероникой закончился в тот же вечер, когда я узнала правду.

Михаил позвонил ей при мне и сказал, что больше не будет встречаться. Потом заблокировал номер. Через несколько дней сам предложил обратиться к семейному психологу.

Он плакал. Я впервые за много лет видела, как мой муж плачет.

И осталась.

Не сразу. Не спокойно. Сначала я почти неделю не могла смотреть ему в лицо. Потом уехала к Ольге, вернулась через три дня, снова собирала вещи.

Михаил не запрещал мне уходить. Просил только не при-

нимать окончательного решения сразу.

Я согласилась попробовать.

Я любила его.

Наверное, именно поэтому мне казалось, что мы сумеем вернуть все назад.

— Марина, я поехал!

Голос мужа выдернул меня из воспоминаний.

Я поднялась и вышла в прихожую.

Михаил уже стоял у двери. Форма сидела на нем безупречно. Сумка была перекинута через плечо, в руке он держал ключи.

— Документы? — спросила я.

— На месте.

— Очки?

Он похлопал себя по карману.

— Благодаря тебе.

Я поправила край его воротника. Делала так всегда, сколько себя помнила.

Михаил наклонился и поцеловал меня в щеку.

— Я вечером позвоню. Если не получится вовремя, напишу.

— Хорошо.

Он задержался рядом. Я знала эту паузу: ждал, что я обниму его. Или скажу, что буду скучать.

Я обняла.

Михаил прижал меня к себе, погладил по спине.

— Люблю тебя, Марин.

Я закрыла глаза.

От него пахло знакомым одеколоном и свежей тканью рубашки.

— Счастливой дороги, — сказала я.

Он не отстранился резко. Не спросил, почему я опять не ответила.

Только поцеловал меня в волосы.

— Спасибо. Не скучай тут.

Дверь закрылась.

Я осталась посреди прихожей.

В лифтовом холле раздались шаги. Потом хлопнула другая дверь. Где-то внизу завелась машина.

Я машинально посмотрела на часы.

Семь тридцать две.

До субботы.

Пять дней.

Я вернулась на кухню, собрала чашки и поставила их в посудомоечную машину.

Потом прошлась по квартире.

В спальне кровать была аккуратно застелена. На комоде лежала книга Михаила, которую он читал вечерами. На спинке стула остался его домашний свитер. Я взяла его, хотела убрать в шкаф, но передумала и положила обратно.

В ванной висели два полотенца.

Я сняла свое, чтобы заменить свежим, и вдруг обнаружи-

ла, что стою перед открытым шкафчиком и улыбаюсь. Без всякой причины.

Даже оглянулась, будто кто-то мог увидеть.

***

К десяти утра я уже сидела за компьютером.

На экране была открыта верстка альбома о старых речных пристанях. Издательство готовило его к юбилею областного краеведческого музея, а моя задача заключалась в том, чтобы проверить подписи к фотографиям, вычитать тексты и проследить, чтобы на одной странице пристань не оказалась построенной на двадцать лет раньше, чем на соседней.

Работа была кропотливая, но мне нравилась. Слова, даты, фамилии, названия улиц — все должно стоять на своем месте. Иногда приходилось часами разбираться с одной фотографией, зато потом я испытывала почти детскую радость, когда наконец находила правильный ответ.

В альбоме было сто двадцать четыре страницы.

На сорок седьмой я обнаружила, что снимок подписан неправильно.

«Пассажирская пристань. 1940 год».

На фотографии стоял пароход, который, насколько я помнила, появился на этой линии только после войны.

Я открыла архивные заметки, сверилась со списком судов, нашла другое изображение.

— Вот же ты, красавец, — пробормотала я.

Пароход назывался «Володарский». И относилась фотография к 1951 году.

Я написала выпускающему редактору.

«Оль, на сорок седьмой странице неверная дата. Проверила по архиву. Нужна замена подписи. Источник сейчас пришлю».

Ответ пришел почти сразу.

«Марин, ты опять спасла нас от позора. У меня дизайнер сегодня с утра воюет с третьим разворотом. Если найдешь еще что-нибудь, лучше сразу звони».

Я улыбнулась.

Через минуту зазвонил телефон.

Ольга.

— Ты когда-нибудь пробовала объяснить взрослому человеку, что нельзя растягивать старую фотографию до состояния квадратных людей? — спросила она вместо приветствия.

— Доброе утро.

— Доброе. Вот объясни мне, как можно двадцать лет работать в дизайне и не заметить, что у купца на снимке голова стала шире плеч?

— Может, купец был необыкновенный.

— Марина!

— Что?

— Я с тобой серьезно разговариваю.

— Я тоже. Покажи мне этого купца, вдруг мы зря на него наговариваем.

Ольга рассмеялась.

Я слышала, как она отодвинула стул.

— Ладно, пришлю. Ты дома?

— Дома.

— Михаил уже уехал?

— Да. Утром.

— Ага. Значит, сегодня можешь работать спокойно, никто не будет предлагать тебе обед каждые полтора часа.

Я хмыкнула.

— Он не каждые полтора часа предлагает.

— Конечно. Каждые два.

— Оля.

— Все, молчу.

Она действительно замолчала на несколько секунд, что для нее было редкостью.

— Как ты вообще? — спросила потом.

Вопрос был простым.

Настолько простым, что я не сразу ответила.

— Нормально.

— Правда?

— Да.

— Ладно. Не пристаю. Но если захочешь вечером выбраться, я после шести свободна. Можно посидеть где-нибудь.

— У тебя же верстка горит.

— Она у меня всегда горит. Если я перестану из-за нее выходить из дома, ты будешь разговаривать с моим прахом.

— Не драматизируй.

— Это не я драматизирую. Это купец с квадратной головой. Он меня добьет.

Я снова рассмеялась.

— Давай ближе к вечеру решим.

— Договорились. И пришли источник по пароходу.

После разговора я вернулась к работе.

Ольга была моей подругой почти пятнадцать лет. Мы познакомились, когда я устраивалась редактором в небольшое издательство после очередного переезда Михаила.

Мне тогда казалось, что я уже ничего не умею. Сначала почти два года сидела дома с Сашей, потом работала на полставки, снова увольнялась перед переездом. Каждый раз приходилось начинать заново.

Ольга дала мне на пробу рукопись об истории городского водопровода.

Я нашла там столько ошибок, что автор неделю со мной не разговаривал.

Зато меня приняли.

С тех пор у нас случалось всякое. Мы ссорились из-за рабочих сроков, ездили вместе отдыхать, сидели ночами в больницах у родственников, собирали друг другу документы и помогали с переездами.

Именно Ольга забрала меня к себе, когда я узнала об измене Михаила.

Она не говорила, что нужно немедленно развестись.

Не убеждала простить.

Просто постелила мне на диване, поставила рядом бутылку воды и сказала:

— Если ночью захочешь поорать, выходи на кухню. У меня соседи снизу все равно до трех не спят.

Я тогда впервые за несколько суток засмеялась.

Сейчас вспомнила об этом и посмотрела на телефон.

Может, стоило встретиться с ней вечером?

И сама удивилась: никуда не хотелось идти. Не потому, что я устала или была расстроена. Хотелось остаться дома, пожить немного в тишине.

Я открыла рабочий файл.

До обеда проверила еще двенадцать страниц.

Никто не спрашивал, когда я закончу.

Никто не заглядывал в комнату с предложением выпить чаю.

Никто не включал телевизор в гостиной.

В какой-то момент я поймала себя на том, что перестала смотреть на часы.

Раньше после полудня начинала прикидывать, во сколько Михаил вернется и нужно ли что-нибудь приготовить. Даже когда он предупреждал, что задержится, я все равно оставляла часть внимания на домашние дела.

Не потому, что муж требовал ужин к определенному часу.

Он вполне умел приготовить себе еду.

Просто так сложилось.

Когда мы поженились, я была младше и свободнее в работе. Михаил много служил. Потом родилась Саша. Мы переезжали. У него были занятия, командировки, дежурства, повышение.

И я постепенно привыкла, что мои дела можно отложить.

Это не казалось жертвой. Я любила свою семью. До сих пор любила.

Но в половине второго внезапно обнаружила, что давно хочу есть.

Открыла холодильник.

На верхней полке стояли контейнеры, приготовленные Михаилом вчера вечером. Курица, гречка, тушеные овощи. Он аккуратно подписал крышки маркером.

«Понедельник».

«Вторник».

«Среда».

Я смотрела на них и испытывала странное чувство.

С одной стороны, это было трогательно.

Мой муж, который раньше мог неделями забывать о том, что в доме закончился чай, теперь готовил мне обеды перед отъездом.

С другой — я вдруг почувствовала себя не взрослой женщиной, а девочкой, которую оставили дома одну и снабдили

инструкциями.

Это было несправедливо: Михаил не хотел меня обидеть, просто заботился. Я взяла контейнер с курицей, потом поставила обратно.

Мне захотелось жареной картошки.

Самой обычной, с луком, подрумяненной до корочки.

Михаил ее почти не ел. Говорил, что тяжело для желудка. В последние годы мы готовили в основном то, что подходило нам обоим.

Я достала с нижней полки три картофелины.

Почистила, нарезала тонкими ломтиками, поставила сковороду.

Когда лук начал шипеть в масле, на кухне появился знакомый запах.

Я открыла окно.

С улицы донесся гул машин, чей-то громкий разговор, лай собаки.

И вдруг мне стало до смешного весело. Сорок пять лет, образование, работа, взрослая дочь, двадцать три года брака — а я стояла у плиты и радовалась возможности пожарить себе картошку.

— Дожила, Корнеева, — сказала я вслух.

И тут же рассмеялась.

***

Саша позвонила в три.

Я как раз отправляла исправления Ольге и пыталась вспомнить, где оставила телефон.

— Мам, привет. Ты занята?

— Уже почти нет. Что случилось?

— Ничего не случилось. Почему у тебя сразу должно что-то случиться?

— Потому что обычно ты звонишь днем, когда у тебя что-то случилось.

— Неправда.

— Хорошо. Что тебе нужно?

Дочь фыркнула.

— Посмотришь вечером мое портфолио? Мне надо отправить его в одно агентство. Там вроде есть шанс попасть на нормальный проект.

— Конечно. Скидывай.

— Только не начинай исправлять все подряд. Мне нужна твоя оценка по текстам, не по дизайну.

— Я уже поняла, что у меня нет вкуса.

— Мам!

— Шучу.

Саша тяжело вздохнула.

Я живо представила, как она закатывает глаза. В детстве

она делала это совершенно бесстыдно. Сейчас считала себя взрослой и старалась выглядеть серьезной, но иногда забывалась.

— Папа уехал? — спросила она.

— Да. Утром.

— Звонил мне. Сказал, что будет занят несколько дней.

— Хорошо.

— Вы потом все-таки поедете отдыхать?

Я отложила ручку.

— Не знаю, Саш.

— Ну почему? Он же говорил, что выбрал гостиницу. Мне фотографии присылал.

— Мы еще не решили.

— Мам, тебе надо отдохнуть. Ты последний раз нормально отдыхала еще летом прошлого года.

Я посмотрела на открытый рабочий файл.

— Может, ты и права.

— Конечно, права. И папе тоже надо. Он сейчас вообще какой-то уставший.

Я не ответила.

Дочь немного помолчала.

— У вас все нормально?

Вот он, вопрос, который за последний год я слышала слишком часто.

Сначала Саша задавала его осторожно. Потом с надеждой. А последние месяцы — почти не задумываясь, как спраши-

вают о погоде.

Она знала, что произошло.

Не все подробности, разумеется. Мы не считали нужным превращать дочь в свидетеля наших супружеских разговоров. Но скрыть измену от взрослого человека, который видел мое состояние, было невозможно.

Саша переживала тяжело.

Сначала злилась на отца. Несколько недель не отвечала на его звонки. Потом постепенно стала с ним общаться. Он ездил к ней, помогал с квартирой, интересовался работой, ни разу не требовал немедленного прощения.

И дочь простила.

Я видела, как ей стало легче.

Особенно когда мы с Михаилом начали вместе выходить в гости, снова ездить к знакомым и разговаривать за столом без тяжелых пауз.

Саша решила, что мы справились.

Наверное, я и сама хотела в это верить.

— Все нормально, — сказала я.

— Точно?

— Саш, не переживай за нас. Лучше портфолио отправь, пока я не заснула.

— Ты никогда днем не спишь.

— Тем более. Есть шанс попробовать.

Дочь засмеялась.

— Ладно. Люблю тебя.

— И я тебя.

После звонка я еще несколько секунд держала телефон в руке.

Потом открыла сообщения от Михаила.

В девять утра он прислал фотографию дороги. Серое небо, лес за окном автомобиля, мокрый асфальт.

«Доехали нормально. Связь здесь не очень. Если что, пиши».

Я ответила коротко:

«Хорошо. Удачного дня».

В одиннадцать он отправил еще одно сообщение:

«Не забудь пообедать».

Я не ответила.

Сейчас набрала:

«Пообедала. Все нормально».

Посмотрела на экран и добавила:

«Саша звонила. Просила посмотреть портфолио».

Ответ пришел через несколько минут.

«Она мне тоже говорила. У нее хороший шанс, по-моему. Ты как?»

«Работаю».

«Не уставай сильно. Вечером наберу».

«Хорошо».

Я убрала телефон.

Ни одного плохого слова, ни одного повода для ссоры. Ни одной причины обижаться.

И тем не менее после переписки мне захотелось встать из-за стола и уйти куда-нибудь, где никто не будет спрашивать, как я.

Я пошла в ванную и умылась холодной водой.

Посмотрела на себя в зеркало.

Темные волосы были небрежно заколоты. Несколько прядей выбились у лица. На мне была старая домашняя футболка и удобные брюки. Под глазами виднелись небольшие тени.

Я выглядела нормально.

Сорок пять лет. Не девочка, конечно, но и не старуха.

У меня были хорошие волосы, ровные зубы, красивые руки. Михаил часто говорил, что я совсем не изменилась.

Я всегда улыбалась в ответ.

Хотя понимала, что изменилась.

И он изменился.

Иногда мне казалось, что мы слишком стараемся не замечать этого.

Я распустила волосы, расчесала их.

В прошлом месяце Михаил подарил мне серьги.

Красивые, с маленькими зелеными камнями.

Я давно хотела именно такие.

Он запомнил.

Когда я открыла коробочку, муж смотрел на меня почти с детским ожиданием. Мне хотелось обнять его. Сказать, какой он молодец. Как хорошо знает мои желания.

Я обняла.

Серьги надевала три раза, потом убрала в шкатулку. Не потому, что они мне не нравились.

Просто всякий раз, когда я собиралась их надеть, вспоминала его лицо.

Как он ждал моей радости.

А я никак не могла радоваться достаточно.

Мне стало стыдно.

Я закрыла шкатулку и вернулась к работе.

***

В пять часов вечера Ольга прислала фотографию того самого купца.

На снимке стоял пожилой мужчина в темном сюртуке. Его лицо действительно было растянуто так, что голова казалась почти квадратной.

Я не выдержала и засмеялась.

«Это не купец, — написала я. — Это человек, который знает, где закопан клад, и молчать не собирается».

Ольга прислала несколько смеющихся смайликов.

Потом спросила:

«Так что, идем куда-нибудь?»

Я посмотрела на часы.

До обычного времени возвращения Михаила оставалось около часа.

Всю прошлую неделю примерно в это время я начинала

прислушиваться к лифту.

Муж возвращался с работы, мыл руки, спрашивал, как прошел день. Иногда приносил что-нибудь к чаю. Если я была занята, не мешал. Если выглядела усталой, предлагал заказать ужин.

Он старался.

Я каждый день видела, как сильно он старается.

И теперь, когда его не было, мне не хотелось никуда идти.

Я написала Ольге:

«Сегодня останусь дома. Хочу немного побыть одна».

Она ответила не сразу.

«Все в порядке?»

Я уже приготовилась набрать привычное «да, конечно», но остановилась.

Открыла нашу переписку, пролистала несколько сообщений.

Ольга была единственным человеком, перед которым мне не нужно было изображать счастливую женщину.

Но даже ей я в последнее время говорила мало.

Слишком устала объяснять.

«Да. Просто правда хочу побыть одна».

Через минуту пришел ответ:

«Тогда отдыхай. Завтра с утра проверим эти несчастные подписи. И не вздумай сегодня работать до ночи».

Я улыбнулась.

«Постараюсь».

Закрыла компьютер.

В комнате стало тихо.

Не той неприятной тишиной, которая возникает после ссоры, когда каждый сидит в своей комнате и ждет, кто первым заговорит.

Обычной.

За окном проехала машина. В соседней квартире кто-то двигал мебель. Из открытого окна доносились голоса детей со двора.

Я подошла к книжному шкафу.

На нижней полке стояли альбомы с семейными фотографиями.

Один был старый, с мягкой бордовой обложкой. Мы собирали его еще до появления цифровых снимков. Внутри лежали фотографии нашего первого отпуска, Сашиного рождения, первых квартир, которые снимали в разных городах.

Я давно не открывала этот альбом.

Взяла его с полки и села на диван.

На первой странице была наша свадебная фотография.

Мне двадцать два. Михаилу тоже.

Я в простом белом платье, с собранными волосами. Миша в костюме, который ему тогда ужасно не нравился. Мы стояли у входа в ресторан, оба слегка смущенные, счастливые.

У него рука лежала у меня на талии.

Я помнила тот день.

Помнила, как мы опоздали в загс из-за сломавшейся ма-

шины. Как мой отец сердился на фотографа. Как Михаил наступил мне на подол платья, а я сказала, что если он его порвет, то будет сам зашивать.

Он смеялся.

Господи, как мы смеялись.

Я перевернула страницу.

Миша держал маленькую Сашу. Ей было месяца три. Она смешно сморщила нос, а муж смотрел на нее так, будто держал в руках самое удивительное существо на свете.

И это была правда.

Он обожал дочь.

Когда она болела, мог просидеть рядом всю ночь. Если приезжал домой поздно, обязательно заходил в детскую. Иногда я просыпалась от того, что он стоял возле кроватки и тихо разговаривал с ребенком.

Хороший отец.

Хороший муж.

Когда-то.

Я задержалась на этой мысли.

Потом поправила себя.

Михаил не перестал быть хорошим отцом.

И за последний год действительно многое сделал, чтобы стать лучшим мужем.

Нельзя было перечеркнуть все, что у нас было, одним поступком.

Даже таким.

И все-таки я никак не могла соединить две картинки.

Мужчину с маленькой дочерью на руках.

И мужчину, который пять месяцев встречался с другой женщиной, возвращался ко мне домой, ложился рядом, спрашивал, что приготовить на выходных.

Я закрыла альбом. Не потому, что разозлилась — злость была бы проще. Мне стало грустно.

Я посидела еще немного, поглаживая пальцем потертый угол обложки.

Потом убрала альбом обратно.

В последнее время Михаил часто вспоминал наше прошлое.

Мог неожиданно сказать:

— А помнишь, как мы жили в той маленькой квартире?

Или:

— Надо найти фотографию, где Сашка с огромным бантом.

Я всегда отвечала. Мы вместе смеялись над старыми снимками, вспоминали знакомых, спорили о том, кто что сказал двадцать лет назад.

Иногда в такие минуты мне казалось, что ничего не потеряно. Что вот она, наша жизнь, настоящая, теплая. Просто нужно еще немного потерпеть.

Потом Михаил обнимал меня, и я чувствовала, как напряженно прислушиваюсь к себе.

Хочется ли мне его поцеловать?

Хочется ли остаться в его объятиях?

А если сейчас не хочется, значит ли это что-нибудь?

Раньше я не задавала себе таких вопросов.

Я просто жила.

Теперь постоянно проверяла собственные чувства, словно от меня требовали каждый день сдавать экзамен.

И это утомляло сильнее всего.

***

К вечеру похолодало.

Я закрыла окна, накинула мягкий кардиган и пошла на кухню.

Ужинать не хотелось.

Я открыла холодильник, посмотрела на подписанные контейнеры, закрыла дверцу.

Потом достала помидоры, сыр, хлеб и приготовила себе горячий бутерброд.

На столе стояла небольшая вазочка с конфетами.

Михаил любил шоколадные, с ореховой начинкой. Я — обычные карамельки, которые он считал слишком сладкими.

Я взяла одну, развернула и положила в рот.

Пока чайник нагревался, заметила на холодильнике магнит с фотографией.

Мы с Михаилом стояли на берегу реки. В мае, в нашу годовщину.

Помню тот вечер почти по минутам.

Мы поехали в ресторан за городом, сидели на веранде, смотрели на воду. Михаил подарил мне цветы, заказал мое любимое вино и долго рассказывал о том, каким дураком был.

Он не оправдывался.

Сказал, что ему стыдно.

Что он понимает, сколько боли причинил мне.

Что готов ждать столько, сколько понадобится.

Я смотрела на него и верила.

После ужина мы гуляли по дорожке вдоль реки.

Он взял меня за руку.

Я не почувствовала привычного напряжения.

Мы даже целовались.

Впервые за долгое время мне показалось, что все снова получится.

На следующий день я проснулась счастливой.

А еще через два дня Михаил задержался на работе.

Всего на сорок минут.

Предупредил заранее, объяснил причину.

Я сидела на кухне, смотрела на часы и ненавидела себя за то, что опять представляю его с другой.

Он приехал уставший, с папкой документов, поздоровался, поцеловал меня.

Я улыбнулась, ничего не сказала. Он ведь ничего плохого не сделал.

И мне казалось жестоким снова напоминать ему о прошлом.

С тех пор таких дней было много.

Хороших.

И других.

Я не устраивала скандалов. Не искала доказательств. Не проверяла его телефон.

После нескольких посещений психолога мы научились разговаривать без крика. Михаил перестал раздражаться на неудобные вопросы. Я научилась говорить, когда мне было больно.

Только со временем мне все реже хотелось говорить.

Не потому, что все наладилось. Просто я устала.

В холодильнике тихо загудел компрессор.

Я сняла магнит, подержала его в руке.

Мы красиво получились на фотографии.

Михаил улыбался открыто, одной рукой обнимал меня за плечи.

Я тоже улыбалась.

И помнила, как сильно тогда хотела быть счастливой.

Прикрепила магнит обратно.

Телефон завибрировал на столе.

Михаил.

Я посмотрела на экран и почему-то не сразу ответила.

Звонок продолжался.

Наконец провела пальцем по дисплею.

— Привет.

— Привет, Марин. Не отвлекаю?

— Нет. Я как раз чай собиралась пить.

— Уже ужинала?

— Почти.

— Что значит почти?

Я усмехнулась.

— Бутерброд сделала. Сейчас съем.

— У тебя в холодильнике все готово.

— Миш, я знаю.

Он помолчал.

— Прости. Не учу. Просто хотел, чтобы ты нормально ела.

— Я нормально ем.

— Хорошо.

В его голосе не было обиды.

И от этого мне снова стало неловко.

— Как доехали? — спросила я.

— Нормально. Дорога только под конец разбитая. Уже разместились, завтра с утра работа начнется.

— Номер хороший?

— Обычный. Две кровати, стол, шкаф. Сосед у меня до позднего вечера занят, так что почти один живу.

— Хоть поспишь нормально.

— Попробую.

На заднем плане кто-то громко сказал:

— Михаил Андреевич, вам чай оставить?

— Оставь, спасибо! — отозвался муж.

Потом снова заговорил со мной:

— Тут у нас ребята собрались, обсуждают завтрашний день. Я ненадолго.

— Конечно. Иди.

— А у тебя как день прошел?

Я машинально хотела ответить «нормально».

Но вспомнила квадратноголового купца и вдруг засмеялась.

— Что? — удивился Михаил.

— Представляешь, нам дизайнер фотографию так растянул, что купец стал похож на ящик.

— Какой купец?

— Из старого альбома. Оля сегодня чуть не поседела.

— Она уже давно собирается, — заметил муж.

Я снова рассмеялась.

Михаил умел шутить.

Всегда умел.

За эти годы мы столько раз смеялись вместе, что иногда мне казалось невозможным представить жизнь, в которой он не будет знать, что именно меня рассмешило.

Я рассказала ему про фотографию.

Он спросил, исправили ли макет, и начал вспоминать, как однажды у них в стенгазете растянули снимок преподавателя.

Разговор получился неожиданно легким.

Мы перебивали друг друга, смеялись, обсуждали глупости.

В какой-то момент я почти забыла, что между нами вообще что-то случилось.

И тогда Михаил сказал:

— Вот видишь, как хорошо.

Я замолчала.

— Что? — переспросила.

— Да ничего. Просто рад, что ты сегодня веселая.

— А.

— Марин, я правда рад.

— Я поняла.

Он вздохнул.

— Опять что-то не так сказал?

— Нет, Миш. Все нормально.

— Уверена?

Я посмотрела на свою чашку.

Чай остывал.

— Уверена.

Муж немного помолчал.

— Слушай, я тут подумал. Может, тебе удобнее, если мы не будем созваниваться каждый вечер? Я знаю, что ты работаешь. Не хочу мешать.

От неожиданности я не сразу нашлась.

— Почему?

— Да просто. Я же раньше постоянно звонил, потом почти

перестал. Сейчас, наверное, слишком стараюсь. Ты скажи, как лучше.

Я закрыла глаза.

Он снова пытался угадать, поступить правильно. А я не знала ответа.

Мне было приятно слышать его голос.

Правда приятно.

Я радовалась, когда он смеялся. Мне нравилось, что он интересуется моей работой. Что помнит имена моих коллег, спрашивает о Саше, заботится о домашних делах.

Но после каждого разговора я оставалась с неприятным чувством, будто опять не выполнила чего-то важного.

Не дала достаточно тепла, не показала нужной радости. Недостаточно убедительно ответила.

И муж, наверное, тоже это чувствовал.

— Звони, когда будет время, — сказала я. — Если я занята, просто напишу тебе.

— Договорились.

— Хорошо.

Он помолчал.

— Марин?

— Да?

— Я скучаю.

Я отвела взгляд от окна.

— Ты только утром уехал.

— Знаю. И все равно скучаю.

Я сглотнула.

Год назад я мечтала услышать от него именно такие слова.

Не дежурное «все нормально, скоро буду». Не короткое «занят». Мне хотелось, чтобы он скучал по мне, а не по кому-то другому.

Теперь он скучал.

А я не знала, что ответить.

— Отдыхай, Миш, — сказала наконец. — Завтра у тебя тяжелый день.

Он не стал ждать продолжения.

— И ты отдыхай. Спокойной ночи.

— Спокойной.

Связь оборвалась.

Я положила телефон на стол и некоторое время смотрела на погасший экран.

Разговор был хорошим. Михаил не сказал ничего плохого, мы даже смеялись.

Так почему же мне хотелось заплакать?

Я сделала глоток холодного чая, поморщилась и вылила его в раковину.

***

В половине десятого я получила письмо от издательства.

Требовалось срочно уточнить несколько подписей и отправить окончательный файл до утра.

Я открыла сообщение, прочитала. Раньше взялась бы сразу, даже если бы устала или уже собиралась спать.

Села бы за компьютер и просидела до полуночи. Потом еще час приводила бы себя в порядок, чтобы утром Михаил не увидел меня совсем разбитой.

Сегодня я решила заняться исправлениями утром, в восемь.

Договорный срок сдачи был завтра к обеду.

Я написала:

«Получила. Утром проверю и пришлю исправленный файл».

Отправила, закрыла ноутбук и вдруг почувствовала маленькое, почти смешное удовлетворение.

Ничего особенного не произошло.

Я просто не стала работать ночью.

Потом пошла в спальню.

Михаил всегда спал справа.

Так повелось еще в нашей первой квартире, где с его стороны стояла тумбочка и лежали часы. Мы давно поменяли несколько кроватей, переехали в разные города, но места сохранились.

Я переоделась, выключила верхний свет и легла.

В комнате пахло свежим бельем.

За окном шумел ветер.

Я взяла с тумбочки книгу. Ту самую, которую начала еще в июне, — исторический роман о женщине, открывшей соб-

ственное дело после смерти мужа. Я читала его медленно, потому что постоянно отвлекалась.

Сегодня открыла на закладке. Сначала прочла одну страницу, потом вторую, затем еще несколько.

В какой-то момент поняла, что впервые за долгое время не прислушиваюсь к звукам квартиры.

Не жду, когда откроется дверь ванной.

Не думаю, что муж сейчас придет, ляжет рядом и обязательно коснется моего плеча.

Не пытаюсь заранее понять, захочу ли ответить на его объятие.

Я просто читала до одиннадцати. Потом закрыла книгу и положила на тумбочку.

Телефон лежал рядом.

Я потянулась к нему.

По привычке хотела проверить, не написал ли Михаил еще что-нибудь. Не прислал ли фотографию. Не спросил ли, как у меня дела.

Но рука остановилась.

Мы уже пожелали друг другу спокойной ночи.

Он знал, что я дома.

Я знала, что с ним все хорошо.

Ничего больше делать не требовалось.

Я выключила лампу и легла на бок, подложив ладонь под щеку.

Рядом никого не было.

И в первый раз за очень долгое время пустая половина кровати не показалась мне доказательством чего-то страшного.

Я не чувствовала себя брошенной.

Не боялась, что муж сейчас с другой женщиной.

Не придумывала, как завтра начать трудный разговор.

Мне было спокойно.

Настолько спокойно, что поначалу я даже не поняла, что именно изменилось.

Я лежала в темноте, слушала ветер за окном и думала о завтрашней работе. О Сашином портфолио, которое еще предстояло посмотреть. О том, что нужно купить молоко.

И о картошке.

Завтра можно было снова пожарить картошку.

Я улыбнулась в темноте, закрыла глаза и уснула. Не спустя час, не после очередного бессмысленного прокручивания в памяти старых разговоров. Почти сразу.

Ночью я ни разу не проснулась.

А утром, когда открыла глаза и увидела пустую половину кровати, первое, что почувствовала, было не одиночество.

Облегчение.

Я села, поправила волосы и несколько секунд смотрела перед собой.

За окном начинался новый день.

Михаила не было дома.

И мне было хорошо.

Именно это почему-то испугало меня сильнее всего.

Глава 2. Мы попробовали

Во вторник я проснулась без будильника.

На часах было семь двадцать. За окном шел дождь, мелкий, почти незаметный. Капли собирались на стекле, медленно ползли вниз, оставляя за собой неровные дорожки.

Обычно к этому времени Михаил уже собирался на службу. В ванной шумела вода, на кухне работала кофемашина. Иногда он заглядывал в спальню и спрашивал, не разбудил ли меня.

Сегодня в квартире было тихо.

Я потянулась, с удовольствием расправила ноги под одеялом и повернулась на другой бок.

Можно было поспать еще.

Но сон не шел.

Я лежала и смотрела на пустую половину кровати.

Вчера вечером мне было так хорошо одной, что я даже испугалась. А сейчас, проснувшись, впервые попыталась понять почему.

Михаил ведь не мучил меня.

Не кричал, не унижал, не заставлял оправдываться за каждый шаг. За последний год он стал внимательнее, терпеливее. Если я задерживалась на работе, сам готовил ужин. Если просила оставить меня одну, не обижался.

И все-таки рядом с ним я постоянно чувствовала себя ви-

новатой.

За недостаточную нежность.

За то, что не радовалась его подаркам так, как он ожидал.

За то, что иногда вспоминала Веронику.

Особенно за то, что больше не могла сказать ему «люблю» с прежней легкостью.

Я перевернулась на спину.

Когда Михаил признался в измене, я несколько суток почти не ела. Помню, как стояла перед открытым холодильником и не понимала, зачем вообще люди покупают продукты, готовят, моют посуду.

Мне тогда казалось, что самое страшное уже произошло.

Потом выяснилось, что страшным бывает не только само предательство.

Страшно продолжать жить после него.

Сначала я проверяла каждое его слово. Потом перестала. Не потому, что научилась доверять, а потому, что устала.

Михаил действительно больше не давал поводов для подозрений. Мне хотелось наконец стать нормальной женой, и я очень старалась.

Телефон на тумбочке коротко завибрировал.

Сообщение от мужа.

«Доброе утро. У нас тут дождь. Как спала?»

Я прочла и улыбнулась.

Миша всегда спрашивал, как я спала. Еще с тех времен, когда Саша была маленькой и мы оба жили в состоянии хро-

нического недосыпа.

«Хорошо. А ты?»

Ответ пришел почти сразу.

«Нормально. Сосед храпит, но терпимо. Хорошего дня, Мариш».

Мариш.

Когда-то от этого обращения у меня теплело внутри.

Я набрала:

«И тебе хорошего дня».

Подумала немного, добавила сердечко. Потом стерла и отправила без него.

Телефон погас.

Я еще несколько секунд смотрела на экран и злилась на себя.

Господи, Марина. Тебе сорок пять лет. Ты серьезно сидишь и думаешь, можно ли отправить собственному мужу сердечко?

Я встала, накинула халат и пошла на кухню.

Хлеба по-прежнему было три буханки: две в морозилке, одна на столе.

Я рассмеялась и достала сковороду. Сегодня мне захотелось яичницы с помидорами.

Михаил терпеть не мог яйца с жидким желтком. Всегда просил жарить подольше.

Я разбила два яйца, добавила соль, нарезала помидор.

И снова испытала это странное удовольствие: можно было

ничего не согласовывать. Даже такие мелочи.

***

После завтрака я решила поехать в издательство.

Обычно работала дома три-четыре дня в неделю, но сегодня нужно было разобраться с архивными материалами. Кроме того, хотелось увидеть людей.

Я оделась, накрасила губы, собрала волосы и вышла из квартиры.

В лифте встретила соседку с шестого этажа.

— Марина Сергеевна, доброе утро! — приветствовала она меня. — А ваш-то уехал?

— Да, до субботы.

— Ох, опять командировка?

— Рабочая поездка.

— Понятно. Мой тоже вечно куда-то ездил. Правда, у него работа попроще была. Но все равно. Мужчины, они такие.

Я вежливо улыбнулась.

Соседка поправила сумку.

— Зато у вас муж какой заботливый. Я его вчера видела, целых два пакета из магазина тащил. Все для семьи.

— Да, он заботливый.

— Берегите его. Таких сейчас мало.

Двери лифта открылись.

Я попрощалась и вышла на улицу.

Дождь закончился. Асфальт блестел, на деревьях висели тяжелые капли. Воздух пах мокрой листвой и выхлопными газами.

Я шла к машине и думала о словах соседки.

Берегите его.

За последний год я слышала подобное не раз.

От знакомых.

От родственников.

От людей, которые видели только то, что Михаил хотел показать.

Хороший муж, заботливый отец, ответственный человек. И все это было правдой.

Миша действительно был хорошим человеком во многих отношениях.

Он помогал соседям, никогда не забывал о днях рождения наших родителей, мог среди ночи поехать за заболевшей дочерью.

Он умел любить.

Только однажды решил, что может любить меня и одновременно спать с другой женщиной.

Я села в машину и несколько минут не заводила двигатель. Потом посмотрела на собственное отражение в зеркале заднего вида.

— Хватит, — сказала я.

И поехала на работу.

***

В издательстве пахло кофе, бумагой и краской из принтера.

Ольга сидела за своим столом, обложившись распечатками. На переносице у нее красовались очки, которые она обычно надевала только при чтении мелкого текста.

— Корнеева! — воскликнула она. — Ты вовремя. Иди сюда, сейчас покажу тебе преступление против истории.

Я поставила сумку на свободный стул.

— Опять купец?

— Хуже. У нас теперь пристань переехала на противоположный берег.

Она развернула монитор.

На экране была знакомая фотография деревянного причала, возле которого стояли несколько лодок.

— Видишь?

Я наклонилась ближе.

— Вижу.

— А теперь посмотри на подпись.

Я прочла.

— Оля, это же вообще другая пристань.

— Спасибо! Хоть кто-то в этом здании меня понимает!

Из-за соседнего стола поднял голову дизайнер Сергей.

— Я не виноват, мне такой файл дали.

— А я разве сказала, что ты виноват? — спросила Ольга.

— Ты с утра уже три раза сказала.

— Четыре. Ты плохо считаешь.

Я засмеялась.

Сергей закатил глаза и снова уткнулся в монитор.

Мы с Ольгой занялись фотографиями.

Следующие два часа прошли незаметно. Мы сравнивали снимки, находили старые названия улиц, спорили о датах. Ольга ругалась на отсутствующие источники, я пыталась разобраться, где именно ошибся автор.

К полудню удалось выяснить, что две фотографии просто перепутали местами.

— Все, — объявила Ольга. — Если я сегодня еще хоть раз увижу слово «пристань», начну кусаться.

— Пойдем обедать.

— Вот за это я тебя люблю.

Мы спустились в небольшое кафе на первом этаже соседнего здания.

Обычно там было шумно, но сегодня свободных столиков оказалось много. Мы сели у окна, заказали суп и салаты.

Ольга сразу принялась рассказывать о новом авторе, который прислал рукопись объемом почти в тысячу страниц и уверял, что сократить невозможно ни одного предложения.

Я слушала, смеялась, иногда перебивала.

Потом она вдруг замолчала.

— Марин.

— Что?

— Ты сегодня какая-то другая.

Я подняла глаза.

— В смысле?

— Спокойная.

— Это плохо?

— Нет. Просто непривычно.

Я пожала плечами.

— Выспалась.

— Михаил уехал, и ты выспалась?

— Получается, так.

Она задумчиво посмотрела на меня.

— А раньше ты плохо спала?

Я взяла ложку.

— По-разному.

— Марина.

Я вздохнула.

— Оль, не начинай.

— Я ничего не начинаю.

— Ты сейчас будешь спрашивать, что у нас дома происходит.

— Вообще-то я собиралась спросить, почему ты уже месяц не возвращаешься к идее своего проекта.

Я удивилась.

— Какого проекта?

— Про поездки выходного дня. Ты же сама рассказывала.

Небольшие города, интересные места, маршруты. Помнишь?

Конечно, помнила.

Еще летом я предложила Ольге подготовить книгу о коротких путешествиях по области. Не путеводитель с сухими адресами и датами, а живое издание для людей, которые хотят в субботу утром сесть в машину или электричку и к вечеру вернуться домой.

Мне нравилась эта идея, я даже начала собирать материалы. Но потом Михаил предложил совместный отпуск, Саша попросила помочь с портфолио, в издательстве появилась срочная работа. Я отложила проект.

— У меня пока нет времени, — сказала я.

Ольга посмотрела на меня поверх чашки.

— У тебя никогда нет времени.

— Спасибо за поддержку.

— Я серьезно. Ты двадцать лет говоришь, что потом займешься чем-нибудь своим.

— Я занимаюсь своим. Работаю, между прочим.

— И прекрасно работаешь. Только почему-то каждый интересный проект сначала обсуждаешь со всеми, а потом решаешь, что у тебя слишком много других дел.

Я хотела возразить.

Но Ольга продолжила:

— Марин, ты же сама понимаешь, что такой проект тебе по силам. Не обязательно все делать лично. Можно собрать авторов, фотографа, договориться с музеями.

— Звучит красиво. А платить им кто будет?

— Издательство. Если утвердит смету. Я не предлагаю тебе продать квартиру и начать жизнь великого предпринимателя.

— Жаль. Уже хотела стать миллионершей.

— Сначала закончим альбом. Потом миллионерша.

Мы рассмеялись.

Ольга взяла вилку, но через несколько секунд снова посмотрела на меня.

— А если серьезно, ты вообще чего сейчас хочешь?

Я не сразу поняла вопрос.

— В каком смысле?

— В самом обычном. Вот закончится эта неделя, Михаил вернется. Что тебе хочется делать дальше?

Я опустила взгляд на тарелку.

За окном женщина в красном плаще пыталась раскрыть зонт. Ветер выворачивал его, она смеялась и что-то говорила стоявшему рядом мужчине.

— Не знаю, — ответила я.

— Совсем?

— Хочу закончить альбом. И, наверное, заняться проектом.

— А дома?

Я помолчала.

Ольга не торопила.

Это было одно из немногих ее качеств, которое никак не

сочеталось с остальным характером. На работе она могла требовать ответа через тридцать секунд. Но когда речь заходила о чем-то серьезном, умела ждать.

— Мне хорошо одной, — сказала я наконец.

Ольга отложила вилку.

— Это нормально.

— Ты не поняла.

— Тогда объясни.

Я посмотрела на нее.

— Мне очень хорошо, когда Миши нет дома.

Она молчала.

— Я не скучаю, Оль. Совсем. Вчера весь день работала, приготовила ужин, читала. Легла спать и впервые за несколько месяцев нормально выспалась.

— Может, просто устала?

— Может.

Я машинально стала складывать бумажную салфетку. Сначала пополам, потом еще раз.

— Только я ведь не ждала этой поездки, — продолжила я. — Не думала, как бы от него отдохнуть. Просто проводила утром и вдруг поняла, что могу спокойно жить.

Ольга осторожно спросила:

— А когда он вернется?

Я подняла на нее глаза.

— Вот этого я и боюсь.

Она ничего не ответила.

Мне стало стыдно.

— Слушай, это ужасно звучит. Он старается. Правда старается. Ты же знаешь.

— Знаю.

— Он вообще за этот год сильно изменился.

— Да.

— И я вижу. Не слепая же.

Ольга взяла мою сложенную салфетку и развернула ее.

— Марин, я не собираюсь ругать Михаила.

— Я знаю.

— Но ты сейчас пытаешься убедить меня, какой он хороший. А я спрашивала, чего хочешь ты.

Я отвернулась к окну.

За стеклом мужчина наконец помог женщине справиться с зонтом. Они пошли дальше, прижавшись друг к другу плечами.

Я смотрела им вслед и не могла ответить.

***

Вечером я открыла Сашино портфолио.

Дочь прислала ссылку еще утром и дважды напомнила, чтобы я ничего не забыла.

Работы были хорошие. Я не разбиралась в графическом дизайне настолько, чтобы давать профессиональные советы, но с текстами могла помочь. В нескольких местах обнаружи-

ла неудачные формулировки, еще в одном — опечатку.

Я написала замечания и отправила дочери.

Она перезвонила через десять минут.

— Мам, ты гений!

— Я знаю. Говори еще.

— Нет, серьезно. Я сама не заметила, что два раза одно и то же написала.

— Бывает. Ты на картинки смотрела, а я на слова.

— Спасибо. Я завтра отправлю.

— Удачи тебе, солнышко.

Саша помолчала.

— Мам, а можно я к тебе в четверг заеду? Мне папа сказал, что у него дома какие-то мои документы лежат.

— Конечно. Только предупреди, во сколько.

— После работы. Часов в семь.

— Хорошо.

— Ты там одна не скучаешь?

Я посмотрела на комнату.

На столе стояла чашка чая. Рядом лежала раскрытая книга. На подоконнике темнел горшок с геранью, которую я давно собиралась пересадить.

— Нет, Саш.

— Правда?

— Правда.

— А я бы не смогла. Мне, когда соседка на выходные уезжает, уже скучно.

— Вы с ней все время ругаетесь из-за посуды.

— Это другое. Она хотя бы есть, с кем поругаться.

Я засмеялась.

— Саш, ты бы лучше посуду мыла вовремя.

— Мам, ну все. Давай без этого.

Мы поговорили еще немного.

Она рассказала о работе, пожаловалась на заказчика, который пять раз менял пожелания к одному макету.

Потом неожиданно сказала:

— Папа какой-то счастливый в последнее время.

Я крепче сжала телефон.

— Почему ты так решила?

— Не знаю. Когда мы в воскресенье виделись, он постоянно улыбался. Про тебя спрашивал. Сказал, что вы, кажется, наконец нормально живете.

— Понятно.

— Я очень рада, мам.

Я молчала.

— Правда, — добавила дочь. — Помнишь, как год назад было? Я тогда вообще думала, что вы разведетесь.

— Помню.

— А сейчас смотрю на вас и думаю, что все хорошо закончилось.

Я закрыла глаза.

Все хорошо закончилось. Для Саши, наверное, именно так и выглядело. Отец дома, мать рядом, никаких ссор. Се-

мейные ужины, поездки, праздники.

Мы все вместе отмечали ее день рождения. Михаил подарил ей новый ноутбук, я испекла любимый торт. Мы сидели за одним столом и смеялись.

Для дочери это и было доказательством.

Семья сохранилась.

— Мам, ты меня слышишь?

— Да, родная.

— Я говорю, может, вы на море съездите? Вам полезно будет.

— Мы подумаем.

— Только не откладывайте. А то опять работа, работа, потом Новый год.

— Хорошо, Саш.

Она еще немного поболтала и попрощалась.

Я положила телефон.

За окном давно стемнело.

Мне вдруг захотелось позвонить Ольге.

Сказать, что я не могу так больше.

Но что именно не могу?

Жить с человеком, который меня любит? Принимать его заботу? Спать рядом с мужем, который раскаялся?

Я встала и подошла к окну.

Внизу горели фонари. Несколько автомобилей медленно двигались по двору в поисках свободного места.

Я представила, как в субботу Михаил вернется домой.

Войдет с сумкой, обнимет меня. Расскажет о поездке, спросит про работу, откроет холодильник и наверняка расстроится, что я не съела все приготовленные им обеды.

Потом мы будем выбирать гостиницу.

Он предложит несколько вариантов, я соглашусь с одним из них.

Мы поедем к морю.

Будем гулять по берегу, фотографироваться, ужинать в маленьких ресторанах.

Возможно, нам даже будет хорошо.

А потом вернемся домой.

И все продолжится.

Я почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

Неужели я действительно не хотела всего этого?

***

В среду утром Михаил позвонил раньше обычного.

Я как раз собиралась выходить за продуктами.

— Привет, — сказала я. — Ты чего так рано?

— Перерыв появился. Решил набрать. Не разбудил?

— Нет. Уже давно встала.

— Как дела?

— Нормально. Вчера с Олей весь день альбом исправляли.

— Опять?

— Представляешь, фотографии перепутали.

— Вы там его когда-нибудь закончите?

— Надеюсь, до пенсии успеем.

Он засмеялся.

Потом рассказал, что у них с утра было совещание, после которого пришлось переделывать часть программы.

Я слушала внимательно.

Михаил говорил спокойно, иногда раздраженно отзывался о неорганизованности коллег. В какой-то момент я поймала себя на том, что мне интересно.

Не хотелось обрывать разговор, и это снова сбило меня с толку.

Если человеку плохо в браке, разве ему может быть интересно разговаривать с мужем?

Если любовь закончилась, почему я до сих пор узнаю его настроение по первым словам?

— Марин, — сказал он вдруг. — Ты чего замолчала?

— Слушаю.

— Устала?

— Нет.

— Может, вечером созвонимся по видео? Я тебе кое-что покажу.

— Что?

— Тут недалеко от нашего корпуса старый парк. Очень красивый. Ты такие места любишь.

— Хорошо.

— Только после девяти получится.

— Давай.

Он еще немного рассказал о погоде, потом попрощался.

Я убрала телефон в сумку.

В магазине долго выбирала продукты.

Взяла помидоры, сыр, яблоки.

Потом остановилась возле мясного отдела и поняла, что собираюсь купить свинину для блюда, которое любит Михаил.

Зачем?

Его не будет еще три дня.

Я стояла перед витриной и пыталась решить, чего хочу сама.

В результате купила рыбу и дома запекла ее с лимоном и травами. Получилось вкусно.

Но когда села ужинать, вдруг почувствовала себя совершенно глупо.

Я ведь не была несчастной женщиной, которую годами заставляли готовить нелюбимую еду.

Михаил никогда не запрещал мне покупать рыбу.

Если бы попросила, он сам бы ее приготовил.

Отчего же обычный ужин казался мне маленькой победой?

Я не понимала.

А еще сильнее не понимала, почему раньше не замечала, насколько часто принимала решения, даже не спрашивая се-

бя, чего хочу.

***

В четверг Саша приехала в половине восьмого.

Я услышала звонок в дверь, когда доставала из духовки запеканку.

Дочь вошла с большим пакетом из магазина, сбросила туфли и сразу направилась на кухню.

— Мам, я есть хочу ужасно.

— Добрый вечер и тебе.

Она чмокнула меня в щеку.

— Привет, любимая мама. Можно я сначала поем, а потом буду вежливой?

— Садись.

Саша сняла пиджак, осталась в светлой блузке и положила себе запеканки.

Я смотрела на нее с улыбкой. Она стала совсем взрослой.

Когда-то я заплетала ей косы, проверяла уроки, искала потерянные варежки. Теперь она сама зарабатывала, снимала квартиру и приходила ко мне с рассказами о работе, которые я не всегда понимала.

Но ела по-прежнему с тем же аппетитом.

— Вкусно, — объявила она.

— Спасибо.

— А где папа оставил мои документы?

— В кабинете. В верхнем ящике стола. Я сейчас принесу.

— Не надо, сама возьму.

Она ушла, а я поставила чайник.

Через несколько минут дочь вернулась с папкой.

— Нашла.

— Хорошо.

Саша села обратно и внимательно посмотрела на меня.

— Мам, а ты почему какая-то грустная?

Я удивилась.

— С чего ты взяла?

— Не знаю. Сидишь тихая.

— Я всегда тихая.

— Нет. Обычно ты спрашиваешь, что я ела, сколько спала и почему у меня опять волосы мокрые.

— А почему у тебя волосы мокрые?

Она рассмеялась.

— Вот! Нормальная мама вернулась.

Я тоже улыбнулась.

Потом она рассказала, что отправила портфолио и теперь ждала ответа.

Мы обсудили ее работу.

Я старалась слушать, задавала вопросы, давала советы только тогда, когда она сама просила.

Через некоторое время Саша достала телефон.

— Смотри, какие фотографии нашла.

На экране появилось старое семейное фото.

Мы втроем стояли на берегу озера. Саше было лет десять. Михаил держал над головой огромный надувной круг, а я смеялась так сильно, что закрывала лицо рукой.

— Помнишь? — спросила дочь.

— Конечно.

— Папа тогда в воду упал прямо в одежде.

— Не упал. Ты его столкнула.

— Неправда!

— Правда. Я свидетель.

Мы засмеялись.

Саша пролистала еще несколько фотографий.

Наша старая квартира.

Первый школьный день.

Семейный праздник.

Михаил с букетом цветов.

Я в зеленом платье.

— Какие вы тут молодые, — сказала дочь. — Хотя папа почти не изменился.

— Еще как изменился.

— Ну, седой немного стал.

Я посмотрела на фотографию.

Мише тогда было тридцать пять.

Он стоял рядом со мной, положив руку на мое плечо.

Я помнила тот вечер.

Мы праздновали его повышение. Собралось много знакомых, было шумно и весело. Михаил постоянно подходил ко

мне, что-то шептал, целовал в висок.

Я чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете.

— Мам?

Я подняла глаза.

— Что?

— Ты плачешь?

Я поспешно провела рукой по лицу.

Пальцы оказались влажными.

— Нет. Просто вспомнила кое-что.

Саша отложила телефон.

— Мам, у вас точно все нормально?

Я посмотрела на дочь.

Она сидела напротив, совсем взрослая и одновременно такая знакомая. С теми же темными глазами, что у Михаила. С моей привычкой поджимать губы, когда волновалась.

Мне захотелось рассказать ей правду. Что я не знала, как жить дальше. Что ее отец действительно старался, а мне было спокойно без него.

Но я не могла переложить на дочь то, с чем сама еще не разобралась.

— У нас непростой период, — сказала я.

Саша нахмурилась.

— Опять?

— Не опять. Он просто не закончился так быстро, как всем хотелось.

Она отодвинула тарелку.

— Но папа же все исправил.

Я не ответила сразу.

— Саш, он многое сделал.

— И ты ведь его простила.

— Я пыталась.

— Мам, ну сколько можно? Уже год прошел.

В ее голосе прозвучало раздражение.

Я невольно вздрогнула.

Она заметила.

— Прости, — сказала тише. — Я просто не понимаю. Вы же нормально живете. Папа с тобой носится. Что еще должно произойти?

Я посмотрела на дочь.

Вот именно. Что еще должно произойти? Чего я ждала?

Еще одного признания?

Еще одной измены?

Какого-нибудь поступка, после которого смогу наконец сказать себе, что имею право уйти?

— Не знаю, родная, — ответила я.

Саша вздохнула.

— Мам, я не хочу опять переживать все это.

— Я понимаю.

— Когда вы тогда ругались, я вообще не знала, что делать. Вы оба звонили, оба плакали. Я между вами металась.

Мне стало больно.

Мы действительно плохо справились с тем первым меся-

цем.

Я несколько раз звонила дочери, когда не могла успокоиться. Михаил тоже разговаривал с ней, пытался объяснить, что произошло.

Мы не должны были делать ее участницей нашей беды.

Но сделали.

— Прости меня, Саш, — сказала я.

Она сразу смутилась.

— Да ладно, мам.

— Нет. Правда прости. Мы с папой не должны были тогда столько на тебя вываливать.

Саша опустила глаза.

— Я просто хочу, чтобы вы были счастливы.

Я протянула руку и накрыла ее ладонь.

— Я тоже, солнышко.

Она улыбнулась.

Потом перевела разговор на работу, и мы больше не возвращались к этой теме.

Когда дочь уехала, я долго стояла в прихожей.

За дверью стихли ее шаги.

Я вернулась на кухню, убрала тарелки, вытерла стол и села.

Слова Саши продолжали звучать у меня в голове.

«Вы же нормально живете».

Да.

Мы нормально жили.

Михаил работал, я работала.

Мы ходили в гости, отмечали праздники, выбирали подарки.

Могли целый вечер обсуждать какую-нибудь ерунду.

Иногда занимались любовью.

Не часто, но бывало.

Я не заставляла себя. Когда совсем не хотелось, говорила об этом, и Михаил не настаивал. Но после близости мне редко становилось хорошо. Скорее спокойно — будто я убедилась, что все еще способна быть его женой.

И он тоже успокаивался.

На несколько дней.

Потом все начиналось заново.

Я взяла телефон, открыла переписку с Ольгой и набрала:

«Кажется, я больше не люблю Мишу».

Посмотрела на слова, стерла и написала:

«Можно завтра встретиться?»

Ответ пришел почти сразу.

«Конечно. После работы?»

«Да».

«Куда пойдем?»

Я задумалась.

«Давай просто погуляем».

Ольга прислала удивленный смайлик.

Потом написала:

«Договорились».

***

В пятницу весь день моросил дождь.

На работе было много дел. Мы наконец закончили проверку альбома, собрали замечания, отправили дизайнеру окончательный список исправлений.

К четырем часам я устала настолько, что начала путать цифры.

Закрыла файл и откинулась на спинку кресла.

Ольга заглянула ко мне.

— Живая?

— Почти.

— Тогда собирайся. Я хочу кофе.

Мы вышли из издательства и пошли по улице.

Дождь закончился, но тротуары оставались мокрыми. От земли поднимался холодный запах осени.

В небольшом кафе возле парка мы взяли кофе навынос.

Ольга предложила пройтись.

Я согласилась.

Некоторое время мы молчали.

Потом она спросила:

— Что у вас?

Я сделала глоток кофе.

Он оказался слишком горячим.

— Ничего.

— Марина.

— Правда ничего. Михаил в командировке. Завтра возвращается.

— И?

Я остановилась возле скамейки.

С нее давно облезла краска, деревянные доски потемнели от дождей.

— Оль, я, кажется, не хочу, чтобы он возвращался.

Подруга не ответила, и я продолжила:

— Я понимаю, как это звучит. И мне самой страшно. Но я уже четыре дня живу одна. И мне спокойно. Я работаю, встречаюсь с людьми, общаюсь с Сашей. Дома никто не мешает, никто ничего от меня не требует.

— Михаил и раньше не особенно требовал.

— Я знаю.

— Тогда дело не в этом.

— Наверное.

Мы пошли дальше.

Я смотрела под ноги.

— Понимаешь, я ведь ждала, что все пройдет. Сначала думала, надо пережить первые месяцы. Потом полгода. Потом год. Я даже отмечала про себя даты.

— Какие?

— Три месяца после измены. Полгода. Нашу годовщину. Все казалось, что вот сейчас станет легче.

— Становилось?

— Иногда.

Я задумалась.

— Бывали хорошие дни. Правда хорошие. Мы смеялись, ездили куда-нибудь. Я даже снова начинала верить, что все получится.

— А потом?

— Потом он задерживался на работе. Или слишком долго разговаривал по телефону. Или просто обнимал меня, а я вдруг вспоминала, что так же он мог обнимать другую.

Ольга молчала.

— Но сейчас это уже даже не ревность, — сказала я. — Я не думаю, что он снова изменяет. Не хочу проверять. Просто когда он рядом, я постоянно помню, что должна что-то чувствовать.

— Кому должна?

Я невесело улыбнулась.

— Себе. Ему. Саше. Всем.

Мы дошли до небольшого пруда.

На воде плавали несколько уток. У берега валялись мокрые листья.

Ольга остановилась.

— А чего ты хочешь от него сейчас?

Я посмотрела на нее.

— Не знаю.

— Если он завтра приедет и спросит, что сделать, чтобы тебе стало хорошо, что ответишь?

Я открыла рот и закрыла: ответа не было.

Михаил уже сделал почти все, о чем я просила.

Прекратил отношения с Вероникой, научился говорить о том, что произошло, без раздражения. Перестал скрывать телефон, стал внимательнее, чаще бывал дома. Пытался вернуть нашу близость.

А я все равно не могла представить себя счастливой рядом с ним.

— Ничего, — сказала я наконец.

Ольга нахмурилась.

— Что ничего?

— Мне нечего у него попросить.

Она медленно кивнула.

— Это серьезно, Марин.

— Знаю.

— Ты думала о разводе?

Я посмотрела на воду.

Утка нырнула, оставив на поверхности несколько расходящихся кругов.

— Думала.

— И?

— И мне страшно.

— Чего именно?

Я усмехнулась.

— Всего. Что ошибаюсь. Что потом пожалею. Что Саша меня возненавидит. Что Михаил не поймет. Что я в сорок

пять лет останусь одна и через полгода начну жалеть о собственной глупости.

Ольга выслушала.

— А если останешься?

Я повернулась к ней.

— Что?

— Если ничего не изменишь. Вот Михаил вернется, вы поедете на море, потом будет Новый год, потом весна. Через год все останется примерно так же. Ты этого хочешь?

Я представила семейные праздники, общие фотографии, завтраки, заботливые сообщения.

Вечера, когда мы сидим рядом на диване, а я все время пытаюсь понять, почему мне хочется отодвинуться.

Я закрыла глаза.

— Нет.

Слово прозвучало неожиданно твердо.

Ольга не стала улыбаться или поздравлять меня с открытием.

Просто спросила:

— Тогда что будешь делать?

Я посмотрела на стаканчик с кофе.

— Пока не знаю.

Мы пошли обратно.

На прощание Ольга обняла меня.

— Я не буду говорить, что тебе делать, — сказала она. — С Михаилом жить тебе, не мне. Только не принимай реше-

ние потому, что кто-то считает его правильным. Ни остаться, ни уйти.

— Спасибо.

— И поешь нормально вечером. Ты сегодня с утра ничего не ела, кроме булочки.

Я засмеялась.

— Ты сейчас как Михаил.

— Только я красивее.

— Несомненно.

Она подмигнула и пошла к своей машине.

Я осталась у перехода.

Светофор горел красным.

Люди рядом торопились домой. Мужчина с букетом цветов разговаривал по телефону. Девушка в короткой куртке пыталась удержать от ветра капюшон.

Обычная пятница, обычный вечер. А я стояла у перехода и понимала, что впервые произнесла вслух то, в чем давно боялась признаться самой себе.

Я не хотела возвращаться к прежней жизни.

***

Михаил позвонил по видео около половины десятого.

Я сидела на диване с книгой. Увидела его имя, вложила закладку и ответила.

На экране появилось знакомое лицо.

Он был в домашней футболке, с влажными после душа волосами. Позади виднелась светлая стена гостиничного номера.

— Привет, красавица.

Я улыбнулась.

— Привет.

— Не спишь?

— Еще рано.

— Устал сегодня ужасно.

— Много работы?

— Хватило. Но завтра уже домой.

Он улыбнулся.

Я почувствовала неприятное покалывание где-то под ребрами.

Завтра.

— Как у тебя дела? — спросил он.

— Хорошо. Альбом закончили.

— Отлично. Поздравляю.

— Пока рано. Еще надо проверить верстку после исправлений.

— Ну, это уже мелочи.

— Для тебя мелочи. А для нас еще два дня работы.

Михаил рассмеялся.

— Ладно, не спорю.

Потом повернул телефон к окну.

За стеклом виднелся темный парк с подсвеченными до-

рожками. Вдалеке стояло небольшое здание с колоннами.

— Смотри, какое место. Днем тут вообще красиво.

— Правда красиво.

— Ты бы оценила. Тут старая липовая аллея, фонтан. Я сегодня минут двадцать гулял.

Он снова повернул камеру на себя.

— Думал, надо нам чаще куда-нибудь выбираться.

Я промолчала.

— Марин?

— Да.

— Ты устала?

— Немного.

Он внимательно посмотрел в экран.

— Слушай, если тебе сейчас не до разговоров, можем завтра пообщаться.

— Нет, все нормально.

— Точно?

Я кивнула.

Михаил улыбнулся.

— А я по тебе соскучился.

Я отвела глаза.

— Ты уже говорил.

— И еще скажу.

Он произнес это легко, даже шутливо.

А мне вдруг стало тяжело.

Я смотрела на мужа и пыталась вызвать в себе хоть немно-

го прежнего чувства.

Вспомнила, как он впервые поцеловал меня.

Мы тогда стояли возле университетского общежития. Был ноябрь, шел снег, у меня замерзли руки. Михаил снял перчатки, взял мои пальцы в свои ладони и сказал, что я совершенно не умею одеваться по погоде.

Потом поцеловал.

Я всю ночь не могла уснуть.

На следующий день рассказывала подруге, что встретила мужчину, за которого обязательно выйду замуж.

И вышла.

Мы прожили вместе больше половины моей жизни.

А теперь я смотрела на знакомое лицо в маленьком прямоугольнике экрана и не могла понять, куда исчезло то чувство.

— Марин, — сказал Михаил.

Я вздрогнула.

— Что?

— Ты меня вообще слышишь?

— Прости. Задумалась.

— О чем?

Я посмотрела на него.

Могла бы сказать правду.

Прямо сейчас.

Что мне стало хорошо одной.

Что я боюсь его возвращения.

Что больше не знаю, хочу ли оставаться его женой.

Но он был далеко, уставший после рабочего дня. Завтра ему предстояла дорога.

Я представила, как он проведет ночь без сна после такого разговора, а утром сядет в машину.

Нет.

Не так.

— О работе, — соврала я.

Михаил кивнул.

— Понятно. Ты в последнее время совсем заработалась.

Я хотела возразить.

Но промолчала.

Он посмотрел куда-то в сторону, потом снова на меня.

— Слушай, я тут подумал про море.

У меня похолодели пальцы.

— Что именно?

— Мы можем поехать в конце ноября. У меня как раз получится несколько дней взять. Ты тогда говорила, что хочешь осенью, когда людей меньше.

— Да.

— Я нашел гостиницу. Не ту, что раньше показывал. Другую, получше. Там ресторан с видом на залив и большой номер.

Я молчала.

— Сейчас пришлю ссылку. Посмотришь?

— Миш...

— Что?

Он улыбался, ждал. Я смотрела на него и понимала, что он действительно хочет этой поездки.

Хочет провести несколько дней со мной.

Без работы, без привычных дел, без необходимости рано вставать.

Он надеялся, что нам будет хорошо.

— Давай пока не будем ничего бронировать, — сказала я.

Улыбка на его лице стала слабее.

— Почему?

— Я еще не решила.

— Ты же сама хотела.

— Хотела.

— Передумала?

Я помолчала.

— Пока не знаю.

Михаил отвел взгляд.

Потом кивнул.

— Ладно. Не будем спешить.

Мне захотелось обнять его. Не как мужа — как близкого человека, которому я только что причинила боль.

Но он был на экране телефона.

И, наверное, это было к лучшему.

— Ты не обижайся, — сказала я.

— Я не обижаюсь.

Он помолчал.

— Просто думал, тебе понравится.
— Мне правда нравится идея.
— Тогда все нормально.
Он снова улыбнулся.
Только теперь я хорошо видела, как ему трудно.
Мы поговорили еще несколько минут.
Он рассказал, во сколько планирует выехать.
Я попросила быть осторожным на дороге.
Потом мы попрощались.
Когда экран погас, я осталась сидеть на диване.
В комнате было тихо.
Я посмотрела на книгу.
Прочитала одну страницу.
Потом вторую.
Но ничего не запомнила.
Перед глазами стояло лицо Михаила.
Он действительно изменился.
Я не могла этого отрицать.
И если бы год назад мне показали сегодняшний разговор, я, наверное, расплакалась бы от счастья.
Муж скучал по мне.
Хотел провести отпуск вместе.
Спрашивал, чего я хочу.
Не давил.
Не требовал.
А я сидела и мечтала, чтобы он еще немного побыл дале-

ко.

Я закрыла книгу, поднялась и прошла на кухню налить воды.

В темном окне отражалась моя фигура.

Я вспомнила слова Ольги.

«А если ничего не изменишь?»

Я представила следующий год.

Потом еще один.

Михаил будет стараться.

Я буду благодарить.

Мы будем жить вместе, ездить отдыхать, ходить на семейные праздники.

Иногда нам будет хорошо.

И, возможно, окружающие окончательно убедятся, что мы победили трудности.

Только мне придется каждый день убеждать в этом саму себя.

Я поставила стакан на стол.

Впервые за год мысль о разводе не вызвала у меня паники.

Она все еще пугала.

Но в ней появилось что-то еще.

Возможность.

Я подошла к окну и долго смотрела на ночной двор.

Потом тихо произнесла:

— Я не хочу так жить.

Никто не услышал.

Никто не возразил.

Я стояла в пустой кухне и ждала привычного чувства вины.

Оно пришло.

Но на этот раз не заставило меня отказаться от собственных слов.

***

В субботу я проснулась около восьми.

Михаил написал, что они уже выехали и будут дома ближе к полудню.

Я ответила:

«Хорошей дороги».

Потом встала и начала убираться.

Не потому, что квартира была грязной.

Мне просто требовалось чем-то занять руки.

Я поменяла постельное белье, пропылесосила спальню, разобрала рабочий стол.

В ванной вымыла раковину, хотя она и так была чистой.

Потом зашла в кабинет Михаила.

На письменном столе лежали аккуратно сложенные документы. Рядом стояла фотография Саши в выпускном платье.

Я поправила рамку.

В углу комнаты стоял небольшой кожаный диван.

Год назад я несколько недель спала на этом диване.

Сначала Михаил предлагал уйти сам, снять квартиру. Я не хотела. Потом вернулась в спальню, пыталась спать с ним в одной постели, но не могла. Стоило ему повернуться ко мне, как я вспоминала чужое сообщение.

Тогда он сам перебрался в кабинет, а я осталась в спальне.

Мы почти не разговаривали.

По вечерам я слышала, как он ходит из угла в угол.

Однажды ночью зашла к нему.

Михаил сидел на диване, обхватив голову руками.

— Ты почему не спишь? — спросила я.

Он поднял глаза.

— Не могу.

Я села рядом.

Мы долго молчали.

Потом он сказал:

— Я все испортил.

Я не стала спорить.

Он заплакал.

Не громко, не театрально. Просто закрыл лицо руками, и я увидела, как дрожат его плечи.

Я тогда обняла его.

И впервые за несколько недель почувствовала не только боль, но и нежность.

Наверное, именно тогда я решила остаться.

Мне казалось, что если мы оба так страдаем, значит, еще есть ради чего бороться.

Я провела пальцами по спинке дивана.

За этот год мы действительно многое сделали.

Ходили к психологу, учились разговаривать. Снова ездили вместе к друзьям, пытались вернуть близость.

Я не обманывала Михаила, когда говорила, что хочу сохранить семью.

Я действительно хотела.

Но сейчас, стоя посреди его кабинета, вдруг поняла одну простую вещь.

За прошедший год мне стало легче жить с тем, что произошло.

Я перестала плакать.

Перестала вздрагивать при звуке его телефона.

Перестала представлять Веронику.

Однако желание быть рядом с Михаилом так и не вернулось.

Я не ненавидела его, не мечтала наказать, не хотела, чтобы он страдал.

Просто больше не хотела быть его женой.

От этой мысли у меня задрожали руки.

Я села на диван. Сколько времени прошло, не знаю, наверное, минут десять. Потом встала, вышла из кабинета и закрыла дверь.

На кухне зазвонил телефон.

Михаил.

— Марин, привет. Мы уже почти доехали.

— Хорошо.
— Минут через сорок буду.
— Поняла.
— Ты дома?
— Да.
— Отлично. Я тут кое-что купил к чаю.
Я закрыла глаза.
— Миш, у нас и так полно всего.
Он рассмеялся.
— Знаю. Но мимо не смог пройти.
— Ладно.
— До встречи, любимая.
— До встречи.
Положила телефон.
И поняла, что не смогу больше откладывать разговор.

***

Михаил приехал без двадцати двенадцать.
Я услышала знакомый звук ключа в замке.
Потом щелкнула дверь, по полу прошуршала сумка.
— Марин, я дома!
Я стояла на кухне.
Несколько секунд не могла заставить себя пошевелиться.
Потом вышла в прихожую.
Михаил снимал куртку.

Увидел меня и улыбнулся.

— Ну, здравствуй.

Он обнял меня крепко, привычно.

От его одежды пахло дорогой, прохладным воздухом и знакомым одеколоном.

Я положила ладони ему на спину.

Постояла так несколько секунд.

Потом отстранилась.

— Как доехали?

— Нормально. Устал только. В машине всю дорогу трясло.

Он поставил сумку у стены.

— А ты как?

— Хорошо.

— Соскучилась?

Вопрос прозвучал легко, шутливо. Но я увидела, что он ждет ответа.

— Проходи, Миш. Ты, наверное, голодный.

Он чуть заметно нахмурился.

Потом кивнул.

— Есть немного.

Я пошла на кухню.

Михаил вымыл руки, переоделся и через несколько минут сел за стол.

Я разогрела ему обед.

Он ел с аппетитом, рассказывал о дороге, о работе, о лю-

дях, с которыми встречался.

Я слушала, иногда задавала вопросы. Все происходило как обычно.

Только внутри у меня словно натянулась тонкая струна.

Я знала, что должна сказать.

Но не могла выбрать момент.

Михаил закончил есть, отодвинул тарелку.

— Спасибо. Вкусно.

— На здоровье.

— А я тебе булочки привез.

Он потянулся к пакету, который оставил на соседнем стуле.

Достал картонную коробку.

— Смотри. Там была маленькая пекарня по дороге. Все хвалили.

В коробке лежали шесть аккуратных булочек с корицей.

Я любила такие.

Михаил поставил коробку передо мной.

— Попробуй.

Я взяла одну, разломила пополам и откусила. Почувствовала сладкий запах корицы.

— Вкусно, — сказала я.

— Правда?

— Да.

Он улыбнулся, довольный. И почему-то именно в эту минуту мне захотелось заплакать.

Не когда он сказал, что скучает.

Не когда предложил поехать к морю.

А сейчас.

Из-за шести булочек.

Потому что он помнил.

Потому что старался.

Потому что смотрел на меня так, будто наша жизнь наконец вернулась на свое место.

А я собиралась сказать ему, что все закончено.

Михаил заметил, как я переменилась в лице.

— Марин, что случилось?

Я покачала головой.

— Ничего.

Он нахмурился.

— Ты бледная какая-то. Заболела?

— Нет.

— Может, устала? Я же говорил, не работай столько.

Я положила булочку на тарелку.

— Миш.

— Что?

— Нам надо поговорить.

Он выпрямился и убрал руки со стола.

— О чем?

Я посмотрела на него.

На знакомое лицо, на седину у висков. На рубашку, которую сама гладила перед его отъездом.

Двадцать три года.

Столько всего было между нами.

Я даже не знала, как можно уместить эти годы в один разговор.

— Я много думала, пока тебя не было, — начала я.

Михаил молчал.

— О нас. О том, что произошло год назад. О том, как мы живем сейчас.

Он медленно кивнул.

— И?

Я сжала ладони под столом.

— Мне было хорошо одной.

Он нахмурился.

— Ну и что? Это нормально. Ты отдохнула.

— Не просто отдохнула.

— Марин, я не понимаю.

— Я тоже сначала не понимала.

Он откинулся на спинку стула.

— Ты хочешь, чтобы я чаще уезжал?

— Нет.

— Тогда что?

Я посмотрела ему в глаза.

— Я поняла, что мне спокойно, когда тебя нет рядом.

Михаил долго молчал.

Потом тихо спросил:

— Из-за того, что случилось?

Я кивнула.

Он провел ладонью по лицу.

— Господи, Марина.

Я молчала.

— Я думал, мы это уже прошли.

— Мы многое прошли.

— Мы целый год работали над этим.

— Я знаю.

— Я делал все, о чем ты просила.

— Знаю, Миш.

Он посмотрел на меня.

— Тогда что не так?

Я почувствовала, как к горлу подступает комок.

Потому что ответить было нечего.

Он действительно сделал многое.

И сейчас передо мной сидел не тот мужчина, который пытался назвать пятимесячный роман «ничего серьезного».

Передо мной сидел мой муж.

Уставший после дороги.

С булочками, которые купил специально для меня.

— Ты ничего плохого сейчас не делаешь, — сказала я.

Михаил нахмурился еще сильнее.

— Что значит «сейчас»?

— То и значит.

Он резко выдохнул.

— Марин, только давай не начинать все сначала. Пожа-

луйста. Я уже не знаю, как еще тебе доказать.

— Не нужно ничего доказывать.

— Тогда чего ты хочешь?

Я посмотрела на стол.

На тарелку с разломленной булочкой.

На его большие, знакомые руки. Когда-то в его объятиях я чувствовала себя в полной безопасности.

Я вспомнила, как лежала рядом с ним в больнице после рождения Саши. Как он держал меня за пальцы и говорил, что мы обязательно со всем справимся.

Вспомнила наш первый дом.

Первые деньги.

Первую купленную вместе машину.

Нашу жизнь.

У меня задрожали губы.

— Миш, я хочу развестись.

Он не пошевелился.

Несколько секунд просто смотрел на меня.

Потом усмехнулся.

Не зло.

Скорее растерянно.

— Что?

Я сглотнула.

— Я хочу подать на развод.

Михаил медленно отодвинул стул.

Встал.

Прошел к окну.

Постоял, глядя во двор.

Потом повернулся.

— Это какая-то шутка?

Я покачала головой.

— Нет.

— Марина, мы же только что нормально разговаривали. Я приехал, мы обедали. Все было хорошо.

— Да.

— Тогда что произошло?

Я поднялась.

— Ничего не произошло.

Он посмотрел на меня так, будто я сказала что-то совершенно непонятное.

— Ты хочешь развестись, потому что ничего не произошло?

— Я хочу развестись, потому что больше не хочу жить как раньше.

— Как раньше?

Он сделал шаг ко мне.

— Марин, я уже не живу как раньше. Я все изменил. Ты же сама это видишь.

— Вижу.

— Тогда объясни мне.

Я попыталась.

Рассказала, как всю неделю ждала от себя тоски по нему.

Как впервые за долгое время спокойно спала.

Как поняла, что не хочу возвращаться к привычным вечерам, когда мы оба постоянно пытаемся угадать настроение другого.

Михаил слушал.

Сначала молча.

Потом начал ходить по кухне.

— Ты просто устала, — сказал он. — Мы оба устали. Нам надо отдохнуть. Давай съездим к морю. Не на пять дней, а на две недели. Я договорюсь.

Я покачала головой.

— Миш, дело не в отпуске.

— Тогда вернемся к психологу. Мы же ходили, помогало.

— Помогало.

— Ну вот.

Он остановился передо мной.

— Марина, я не понимаю, почему ты сейчас все перечеркиваешь.

Я почувствовала, как по щекам потекли слезы.

— Я ничего не перечеркиваю.

— Мы двадцать три года вместе!

— Я знаю.

— У нас дочь, дом, семья.

— Знаю, Миш.

— И ты хочешь все разрушить?

Я закрыла глаза.

Вот оно.

Слово, которого я боялась.

Разрушить.

Год назад я сама говорила Михаилу, что он разрушил нашу семью.

Теперь он смотрел на меня так, будто разрушать собиралась я.

— Я не хочу делать тебе больно, — сказала я.

— Тогда не делай!

Он произнес это громче, чем собирался.

Сразу замолчал.

Потом отвел взгляд.

— Прости.

Я вытерла щеки.

Михаил сел обратно.

Долго смотрел на свои руки.

— Я думал, ты меня простила, — сказал он наконец.

Я не ответила.

Он поднял голову.

— Ты же сама сказала, что мы попробуем.

— Да.

— Я целый год старался.

— И я старалась.

Михаил горько усмехнулся.

— Значит, плохо старался.

— Нет.

Я подошла к столу, но сесть не смогла.

— Ты правда сделал многое. Я не собираюсь это отрицать.

— Тогда почему?

Я посмотрела ему в глаза.

— Потому что я больше не хочу быть твоей женой.

Он замер.

Мне показалось, что эти слова ударили его сильнее, чем разговор о разводе.

Михаил медленно покачал головой.

— Не верю.

Я молчала.

— Ты просто сейчас обижена. Может, что-то вспомнила. Может, я не так сказал. Но нельзя же из-за этого разводиться.

— Я не из-за сегодняшнего разговора.

— Тогда из-за чего?

Я глубоко вдохнула.

— Из-за того, что между нами больше нет прежних отношений. И я не могу их вернуть.

Он поднялся и подошел ближе.

— Марин, посмотри на меня.

Я посмотрела.

— Ты меня совсем не любишь?

Голос у него дрогнул.

Я почувствовала такую боль, что почти пожалела о своих словах.

Почти.

Потому что сейчас могла сделать привычное.

Обнять его.

Сказать, что люблю.

Пообещать еще немного подождать.

И он успокоится.

Мы снова начнем стараться.

А через неделю или месяц я окажусь на той же кухне, только с еще большим чувством вины.

Я покачала головой.

— Не так, как раньше.

Михаил отступил.

Несколько секунд смотрел на меня.

Потом вдруг спросил:

— У тебя кто-то появился?

Я не сразу поняла.

— Что?

— Другой мужчина.

Он произнес это тихо, но очень четко.

— Ты всю неделю была одна. Я звонил, ты отвечала странно. Не хотела разговаривать про отпуск. Теперь развод. У тебя кто-то есть?

Я смотрела на мужа.

В его лице было столько боли и растерянности, что мне захотелось немедленно назвать какую-нибудь причину.

Пусть даже придуманную.

Другого мужчину.

Новую любовь.

Что угодно, лишь бы он перестал искать ошибку в себе сегодняшнем.

Но я не собиралась лгать.

— Нет, Миш.

Он не отводил взгляда.

Я повторила:

— Нет. У меня никого нет.

И это была правда.

Глава 3. Ключ от чужой квартиры

Михаил смотрел на меня так, будто я призналась в чем-то совершенно невозможном.

— Нет, — повторила я. — У меня никого нет.

Он медленно опустился на стул.

— Тогда я вообще ничего не понимаю.

На столе между нами стояла коробка с булочками. Одна лежала на моей тарелке, разломленная пополам. Коричная начинка прилипла к пальцам, и я машинально вытерла их салфеткой.

Мне хотелось убрать коробку. Поставить посуду в раковину. Сделать хоть что-нибудь привычное, пока муж молчал.

Но я осталась стоять.

— Ты ведь понимаешь, что говоришь? — спросил Михаил.

— Понимаю.

— Мы не вчера поженились, Марина. У нас двадцать три года брака. Это не вещь, которую можно выбросить, потому что надоела.

— Я не говорила, что ты мне надоел.

— А что ты говоришь?

Я села напротив.

Он выглядел уставшим. После дороги у него покраснели глаза, на щеке осталась небольшая складка от подушки, на

которой он, наверное, спал в машине.

Еще недавно я собиралась предложить ему отдохнуть.

Теперь он сидел передо мной и пытался понять, почему жена хочет развода.

— Я говорю, что больше не могу жить с тобой как раньше.

— Мы и не живем как раньше!

Он повысил голос, но тут же осекся и провел ладонью по лицу.

— Прости. Я не хотел кричать.

За последний год Михаил научился извиняться почти сразу. Раньше мог целый вечер ходить мрачный, а потом молча обнять меня перед сном. Теперь говорил прямо, когда понимал, что был неправ.

И я верила его извинениям.

— Может, тебе нужно еще время? — спросил он. — Не год, так полтора. Два. Я никуда не тороплюсь.

— Миш...

— Что? Мы же хотели сохранить семью. Ты сама сказала, что попробуем. Я ведь не заставлял тебя оставаться.

— Не заставлял.

— Тогда почему сейчас?

На его безымянном пальце блестело обручальное кольцо. Михаил почти никогда его не снимал. Даже во время командировок.

Год назад, когда я узнала о Веронике, это кольцо вдруг показалось мне издевательством.

Сейчас я смотрела на него с грустью.

— Потому что я попробовала, — ответила я.

Он нахмурился.

— И все?

— Нет. Не все. Мы целый год пытались снова стать счастливыми. Я старалась, Миш. Правда.

— Я знаю.

— Не думаю, что знаешь.

Он поднял глаза.

Мне было трудно продолжать. В горле стоял комок, но я не хотела опять плакать. Не хотела, чтобы он обнимал меня, успокаивал, а потом мы оба делали вид, что разговор закончился.

— Я год тебя прощала, Миш. Каждый день. А жить с тобой больше не хочу.

Михаил отвернулся.

Долго смотрел в окно, за которым начинался дождь.

— Значит, все было зря, — сказал наконец.

— Нет.

— А как это еще назвать?

Я не нашла, что ответить.

Он поднялся, подошел к раковине, открыл воду. Постоял так несколько секунд и закрыл кран, даже не намочив рук.

— Знаешь, чего я не понимаю? — спросил он. — Мы же нормально жили. Ты смеялась со мной. Мы ходили в гости. Ты сама меня обнимала. В мае, когда мы ездили за город, ты

говорила, что тебе хорошо.

— Мне и было хорошо.

— Тогда ты меня обманывала?

— Нет.

— Марина, так не бывает.

— Бывает, Миш.

Он покачал головой.

— Если тебе было хорошо, почему ты хочешь уйти?

Я задумалась.

Потому что хороший вечер не отменял остальные.

Потому что я могла смеяться над его шуткой, переживать за него, когда он болел, и при этом не хотеть просыпаться рядом каждое утро.

Но объяснить это человеку, который все еще любил меня, оказалось мучительно трудно.

— Я не притворялась, — сказала я. — Когда мы куда-то ездили, мне правда нравилось. И когда ты обнимал меня, иногда тоже. Но я все время ждала, что прежнее чувство вернется окончательно. А оно не возвращалось.

Михаил оперся ладонями о столешницу.

— Значит, я ничего не могу сделать?

Я молчала.

— Скажи хотя бы, чего тебе не хватает. Я ведь готов слушать.

— Мне не нужно, чтобы ты еще что-нибудь делал.

Он резко обернулся.

— Тогда что тебе нужно?

— Пожить отдельно.

Он замер.

— На сколько?

— Не знаю. Но я хочу начать развод.

— Господи, Марина!

Он вернулся к столу.

— Ты сейчас серьезно предлагаешь мне согласиться на развод после одного разговора?

— Я не прошу тебя сегодня подписывать документы.

— А чего просишь?

— Услышать меня.

Михаил отодвинул стул так резко, что ножки скрипнули по полу.

— Я тебя слышу. Только ты тоже меня послушай. Я совершил ужасную ошибку. Не собираюсь оправдываться. Но я уже год живу с тем, что сделал. Каждый день думаю об этом. Я не хочу тебя терять.

Его голос дрогнул.

Я отвернулась.

Когда-то именно этих слов мне не хватало. Когда я узнала об измене, мне казалось, что Михаил слишком легко разрушил нашу жизнь и теперь просто боится последствий.

Я хотела, чтобы он понял, кого мог потерять.

Теперь он понимал.

А мне от этого становилось только больнее.

— Миш, я не хочу тебя наказывать.

— А на что это похоже?

— Не знаю.

Он вдруг замолчал и посмотрел на меня внимательно, почти испуганно.

— Ты давно это решила?

— Нет. Я давно чувствовала, что что-то не так. А решила только сейчас.

— За пять дней?

— Не за пять дней. За год.

Он тяжело выдохнул.

Несколько минут мы сидели молча.

Потом Михаил спросил:

— Ты уже нашла квартиру?

— Нет.

— Значит, пока ничего не надо делать. Давай хотя бы неделю подумаем.

Я понимала, что он цепляется за время.

Наверное, на его месте я поступила бы так же.

— Я не собираюсь завтра исчезать, — сказала я. — Но решение не изменится от того, что мы подождем неделю.

— Откуда ты знаешь?

Я не ответила.

Михаил встал.

— Я пойду полежу. Голова раскалывается.

Он направился к двери, но остановился.

— Марин, только об одном прошу. Не говори пока Сашке. Дай мне самому немного прийти в себя.

— Хорошо. Но надолго откладывать нельзя.

Он ничего не ответил.

Через несколько секунд дверь спальни закрылась.

Я осталась на кухне.

Передо мной лежала разломленная булочка.

Я взяла половинку, откусила.

Она оказалась невероятно вкусной.

И от этого мне вдруг стало так жалко нас обоих, что пришлось положить ее обратно.

***

В ту ночь Михаил спал в кабинете.

Я не просила его уходить из спальни.

Он сам достал из шкафа подушку, взял одеяло и молча прошел мимо меня.

Я сидела на краю кровати и слушала, как скрипнул диван за стеной.

Год назад все было почти так же.

Только тогда я не могла находиться рядом с ним из-за измены.

Теперь он не мог лечь рядом со мной, потому что я сказала о разводе.

Мне хотелось пойти к нему, сесть рядом, объяснить, что

я не перестала считать его близким человеком.

Но я понимала, чем закончится такой разговор.

Михаил решит, что у нас все еще есть шанс.

Я легла, выключила свет и долго смотрела в темноту.

На этот раз мне не было спокойно.

Я плакала тихо, чтобы муж не услышал.

Плакала о наших двадцати трех годах, о молодой девушке в белом платье, о мужчине, который когда-то держал меня за руку возле общежития.

О том, что даже настоящая любовь иногда заканчивается.

Утром я проснулась с тяжелой головой.

Михаил уже сидел на кухне.

Перед ним стояла чашка кофе. Он был одет в домашние брюки и вчерашнюю футболку.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе.

Я налила себе воды.

— Ты завтракал?

— Нет.

— Я могу сделать омлет.

— Не надо, Марин.

Я поставила стакан на стол.

Он посмотрел на меня.

— Прости. Я не хотел грубо.

— Ничего.

Михаил потер переносицу.

— Я ночью много думал.

Я молчала.

— Может, мне съехать? На время. У меня есть где остановиться. Ты останешься здесь, спокойно поживешь одна. Не надо сразу искать квартиру.

Я присела напротив.

— Я хочу переехать сама.

— Зачем?

— Мне нужно другое место. Не наша спальня, не наша кухня. Просто отдельное жилье.

— Марина, это и твой дом.

— Знаю.

— Я не собираюсь тебя выгонять.

— Ты меня и не выгоняешь.

Он посмотрел в окно.

— А как же квартира? Ты понимаешь, что с ней придется что-то решать?

— Понимаю. Но не сегодня. Мы можем спокойно обсудить, что делать с общей собственностью.

Михаил невесело улыбнулся.

— Ты уже говоришь как с чужим человеком.

— Нет, Миш. Я просто стараюсь не превращать все в новую ссору.

Он покачал головой.

— А ты знаешь, что я до сих пор люблю тебя?

— Знаю.

— И ничего не меняет?

Я опустила глаза.

— Мне очень жаль.

Михаил встал.

— Ладно. Не будем сейчас.

Он ушел в ванную, а я осталась за столом.

Впервые за много лет наше воскресенье началось без привычных планов.

Мы не обсуждали обед, не выбирали фильм, не решали, ехать ли к знакомым.

Теперь я думала о будущем, в котором мы не будем жить вместе. Михаил, похоже, еще не мог его представить.

***

В понедельник утром я приехала в издательство раньше Ольги.

Открыла компьютер, достала блокнот, попыталась заняться правками.

На третьей странице обнаружила, что уже десять минут смотрю на одну и ту же подпись.

— Корнеева, ты заболела?

Я подняла голову.

Ольга стояла в дверях с двумя стаканчиками кофе.

— Нет.

— Тогда почему сидишь как человек, которому сообщи-

ли, что весь тираж отправили в печать с ошибками?

Я попыталась улыбнуться.

Не получилось.

Она поставила кофе на стол.

— Что случилось?

Я посмотрела на нее.

— Я сказала Мише, что хочу развестись.

Ольга медленно опустилась на соседний стул.

— Когда?

— В субботу.

— И как он?

Я усмехнулась.

— А как может быть человек, которому жена сообщает о разводе сразу после возвращения из командировки?

— Понятно.

Она немного помолчала.

— Ты сама как?

Вопрос оказался неожиданно трудным.

— Плохо, — призналась я. — Очень плохо.

— Жалеешь?

Я задумалась.

Перед глазами возник Михаил, стоящий возле кухонного окна. Его лицо, когда он спросил, люблю ли я его. Вспомнилась тишина в доме.

— Мне больно, — ответила я. — Но я не хочу брать слова обратно.

Ольга кивнула.

— Что собираешься делать?

— Искать квартиру.

— Есть деньги?

— Есть.

— Я не об этом спрашиваю. Тебе хватит на аренду, залог, переезд? Ты же сейчас часть денег на ремонт откладывала.

Я открыла банковское приложение.

Сбережения у меня действительно были.

Мы с Михаилом никогда не жили только на его зарплату. Я работала, получала деньги за редакторские проекты, иногда брала дополнительные заказы.

Часть общего дохода уходила на семейные расходы, часть мы откладывали. Кроме того, у меня оставались собственные накопления.

Я могла снять квартиру. Не роскошную, конечно, но вполне приличную.

— Хватит, — сказала я. — Если не начну покупать новую мебель в первый же день.

— Отлично. Тогда не покупай.

Ольга потянулась к своему телефону.

— Район какой хочешь?

— Не знаю. Желательно недалеко от работы.

— Это разумно.

— И чтобы не совсем на окраине.

— Тоже разумно.

— И чтобы кухня нормальная.

Ольга подняла на меня глаза.

— Вот это уже похоже на тебя.

Я впервые за утро улыбнулась.

Мы открыли объявления.

Цены неприятно удивили.

Квартиры, которые выглядели на фотографиях вполне прилично, стоили дороже, чем я рассчитывала.

Там, где аренда была дешевле, кухня иногда представляла собой узкую полоску между холодильником и входной дверью.

Ольга показывала варианты, я морщилась.

— Смотри, какая красивая, — сказала она.

На фотографии стояла кровать посреди комнаты. За ней возвышался огромный зеркальный шкаф, а над изголовьем висела картина с лебедями.

— Нет.

— Почему?

— Я не хочу просыпаться под наблюдением двух лебедей.

Ольга расхохоталась.

— Хорошо. Лебедей вычеркиваем.

Мы посмотрели еще несколько объявлений.

Одну квартиру я сразу добавила в избранное.

Однокомнатная, на четвертом этаже кирпичного дома. Светлая кухня, небольшой балкон, обычная мебель. До издательства можно было доехать за пятнадцать минут.

— Неплохо, — сказала Ольга.

— Да. Но наверняка фотографии десятилетней давности.

— Позвони.

Я помедлила.

Потом набрала номер.

Ответила женщина.

Я представилась, спросила, свободна ли квартира.

— Свободна, — ответила она. — Посмотреть можете сегодня после шести.

Я согласилась и записала адрес. Когда закончила разговор, Ольга смотрела на меня с каким-то странным выражением.

— Что? — спросила я.

— Ничего. Просто ты действительно это делаешь.

Я посмотрела на адрес в блокноте.

Да.

Делала.

И впервые с субботы почувствовала не только страх.

***

Вечером мы с Михаилом рассказали Саше. Просмотр квартиры я перенесла на вторник: поговорить с дочерью было важнее.

Саша приехала после работы, усталая, с большим рюкзаком через плечо. Я заранее попросила ее не строить планов

на поздний вечер.

Она сразу насторожилась.

— Что случилось?

Михаил сидел в гостиной.

Я предложила чай, но Саша отказалась.

— Мам, не тяни. Вы меня пугаете.

Мы с мужем переглянулись.

Он выглядел старше, чем в субботу.

— Саш, — начал Михаил. — Мы с мамой решили пожить отдельно.

Дочь нахмурилась.

— В каком смысле?

Я села рядом с ней.

— Мы собираемся разводиться.

Саша посмотрела сначала на меня, потом на отца.

— Что?

Михаил молчал.

— Пап, ты опять?

Она произнесла это так резко, что он вздрогнул.

— Нет, Саш. Ничего такого не было.

— Тогда почему?

Я взяла ее за руку.

Она сразу высвободилась.

— Мам, подожди. Я ничего не понимаю. Вы же нормально жили!

— Мы старались, — ответила я.

— И что?

— Не получилось.

Она посмотрела на отца.

— Пап?

Михаил потер ладонью колено.

— Мама хочет развестись.

— А ты?

Он помолчал.

— Я не хочу.

Саша повернулась ко мне.

— Значит, это ты решила?

— Да.

— Почему?

В ее голосе было столько недоумения, что мне стало страшно.

Я пыталась подобрать слова.

Но дочь не дала.

— Я же только в четверг у тебя была! Мы нормально разговаривали. Ты ничего не сказала!

— Потому что тогда еще сама не приняла решение.

— За два дня приняла?

— Саша...

— Нет, мам, подожди! Ты серьезно? Год прошел! Вы все это время были вместе, папа старался, а ты теперь решила разводиться?

Михаил поднял голову.

— Саш, не надо.

Она резко повернулась к нему.

— А что не надо? Я не понимаю!

Я чувствовала, как начинают гореть щеки.

— Солнышко, я знаю, что тебе больно...

— Ты не знаешь!

Дочь вскочила.

— Вы вообще понимаете, что делаете? Я год назад думала, что у меня семья разваливается. Потом вы помирились. Я наконец успокоилась. И теперь опять?

Михаил тоже поднялся.

— Саша, сядь, пожалуйста.

— Не хочу!

Он подошел к ней.

— Послушай. Это наши с мамой отношения. Ты здесь ни при чем.

— Конечно, ни при чем! Только почему-то страдать опять будут все!

Я смотрела на дочь и не могла произнести ни слова.

Она была права в одном.

Год назад мы с Михаилом слишком часто делились с ней тем, что должны были решать между собой.

Саша видела мои слезы.

Слышала его извинения.

Пыталась нас мирить.

Мы оба позволили ей почувствовать, что от ее поведения

тоже зависит судьба семьи.

И теперь она снова оказалась посреди нашей беды.

— Саш, — сказала я тихо. — Прости нас за прошлый год.

Она посмотрела на меня.

— Мам, я сейчас не об этом.

— А я об этом. Мы не должны были делать тебя участницей наших ссор. И сейчас не должны.

— Я ваша дочь!

— Конечно. И всегда ею останешься.

Она нервно поправила волосы.

— А папа?

Я не сразу поняла вопрос.

— Что папа?

— Ты его просто оставишь?

Михаил резко выдохнул.

— Саша.

— Что?

— Не говори так с матерью.

Дочь повернулась к нему.

— А ты чего ее защищаешь? Она же тебя бросает!

В комнате стало тихо.

По лицу Михаила мне показалось, что ему очень хочется согласиться с ней.

Наверное, он мог бы сейчас сказать, что сделал все возможное, а жена оказалась неблагодарной.

И дочь встала бы на его сторону.

Но он только опустил голову.

— Я год назад совершил поступок, из-за которого все началось, — сказал он. — И это тоже правда.

Саша смотрела на него.

— Но ты же исправился.

— Я старался.

— Тогда почему мама...

Она оборвала себя.

Повернулась ко мне.

— Ты его вообще любишь?

Я почувствовала, как сжалось горло.

— Саш, это очень личный вопрос.

— Значит, нет.

— Я люблю твоего отца как человека, с которым прожила много лет. Но больше не хочу быть его женой.

Дочь рассмеялась.

Коротко, неприятно.

— Отлично. Просто замечательно.

Она схватила рюкзак.

— Я поеду домой.

— Саш, подожди, — попросила я.

— Не надо.

Михаил взял со стола ключи.

— Я тебя отвезу.

— Не нужно. Я на машине.

Она направилась к двери.

Я пошла следом.

В прихожей дочь остановилась.

Посмотрела на меня.

На секунду мне показалось, что она сейчас обнимет меня.

Но Саша только спросила:

— Мам, ты хотя бы подумала, как папа будет один?

Я с трудом сглотнула.

— Подумала.

— И тебе все равно?

— Нет.

Она покачала головой.

— Не понимаю тебя.

Дверь закрылась.

Я осталась в прихожей.

За спиной раздались шаги Михаила.

Он подошел, но не коснулся меня.

— Дай ей время, — сказал он.

Я обернулась.

— Ты сам-то как?

Он невесело улыбнулся.

— Плохо, Марин. Очень плохо.

Потом добавил:

— Но она права. Мне тоже трудно понять, зачем ты уходишь именно сейчас.

Я кивнула.

Он немного помолчал.

— Я не собираюсь настраивать ее против тебя.

— Спасибо.

— Только не требуй, чтобы я сразу со всем согласился.

— Не требую.

Мы стояли в прихожей, где столько лет встречали друг друга после работы.

И я вдруг поняла, что впервые за много дней не пыталась подобрать слова, которые обязательно успокоят мужа.

Ему было больно.

Мне тоже.

Но я не могла исправить эту боль, вернувшись к прежней жизни.

***

Первую квартиру я посмотрела во вторник.

Хозяин оказался мужчиной лет шестидесяти, который встретил меня в домашних тапочках и сразу начал рассказывать, что сдает жилье только порядочным людям.

— А вы одна будете? — спросил он.

— Да.

— Муж есть?

Я замялась.

— Развожусь.

Он покачал головой.

— Понятно.

Квартира выглядела гораздо хуже, чем на фотографиях.

На кухне стояла старая плита с облупившейся эмалью. В ванной пахло сыростью. Обои возле окна отошли от стены.

— Тут ремонт нужен, — заметила я.

— Так и цена соответствующая.

Цена соответствовала вполне приличной квартире.

Я поблагодарила и ушла.

Второй вариант оказался еще хуже.

Агент опоздал на двадцать минут, потом долго не мог найти ключ.

В квартире было чисто, но окна выходили прямо на шумную дорогу.

Я представила, как буду работать за компьютером под постоянный гул машин, и отказалась.

К вечеру у меня разболелась голова.

Я сидела в машине возле супермаркета и смотрела на список объявлений.

В какой-то момент захотелось позвонить Михаилу.

Сказать, что я устала.

Что квартиры ужасные.

Что мне страшно.

Он бы сразу начал помогать.

Нашел бы хороший вариант, договорился, проверил документы.

Может, даже предложил бы снова остаться дома.

Я долго смотрела на его имя в телефонной книге.

Потом закрыла экран.

Не потому, что Михаил не имел права мне помогать.

Просто я пока не понимала, как принимать его помощь и одновременно ясно давать понять, что не вернусь.

Вместо звонка открыла еще одно объявление.

Однокомнатная квартира в старом кирпичном доме.

Светлая кухня.

Небольшая комната с диваном и книжными полками.

Балкон выходил во двор.

Я набрала номер.

Ответила женщина по имени Галина Петровна.

— Да, квартира свободна. Можете завтра посмотреть после работы.

Я согласилась.

И впервые за день почувствовала облегчение.

***

На следующий вечер я приехала по адресу без особой надежды.

Дом оказался старым, но ухоженным.

Возле подъезда росли две большие липы. Лавочки были недавно покрашены. На первом этаже висело объявление о собрании жильцов.

Я поднялась на четвертый этаж. Дверь открыла невысокая седая женщина в светлом кардигане.

— Марина?

— Да. Добрый вечер.

— Проходите. Я Галина Петровна.

Квартира была маленькой, но чистой.

В прихожей стоял узкий шкаф, на кухне — круглый стол у окна. В комнате находились диван, письменный стол и два книжных стеллажа.

На подоконник падала солнечная полоска.

Я подошла к окну.

Во дворе росли деревья. Между ветками виднелся небольшой участок неба.

— Тихо тут, — сказала хозяйка. — Только дети после школы иногда шумят. Но к вечеру все расходятся.

— Хорошее место.

— Мне самой нравится. Дочка раньше жила, потом переехала. Сейчас сдаю.

Мы осмотрели кухню, ванную, балкон.

Все работало.

В комнате была обычная мебель, без особой роскоши.

Но я неожиданно поняла, что могу здесь жить. Работать за столом, готовить ужин на маленькой кухне, ставить книги на полки.

Галина Петровна спросила:

— Вы одна собираетесь?

— Да.

— Надолго?

Я растерялась.

До этого момента мне казалось, что я ищу квартиру на несколько месяцев.

Потом мы с Михаилом оформим развод, разделим имущество. Дальше что-нибудь придумаю.

Но вопрос хозяйки заставил меня впервые подумать о будущем без привычной оговорки.

— Думаю, минимум на полгода, — ответила я. — Возможно, дольше.

— Хорошо. Мне как раз нужны спокойные жильцы. Только курить нельзя. И если что-нибудь сломается, сразу звоните. Не надо самостоятельно разбирать трубы и электрику.

Я улыбнулась.

— С удовольствием предоставлю это специалистам.

Она рассмеялась.

Мы обсудили цену, залог, коммунальные платежи.

Я попросила время проверить условия договора и внимательно осмотрела документы на квартиру.

Галина Петровна не возражала.

— Правильно, — сказала она. — Сейчас всякого хватает. Я бы на вашем месте тоже проверяла.

На следующий день мы подписали договор.

Я перевела деньги за первый месяц и залог.

Получила два комплекта ключей — по два в каждом. Один ключ был маленький, с синей пластиковой головкой, другой длинный, серебристый.

Хозяйка показала, как закрывается нижний замок.

— Он немного тугой. Только не дергайте. Чуть приподнимите ручку и поворачивайте.

Я попробовала.

С первого раза не получилось.

Со второго дверь закрылась.

— Вот так, — одобрительно сказала она.

Когда хозяйка ушла, я осталась посреди пустой квартиры.

Мебель стояла вдоль стен.

За окном шелестели листья.

Где-то внизу хлопнула дверь подъезда.

Я прошла на кухню, открыла шкафчики, заглянула в холодильник.

Потом вернулась в комнату.

Села на диван.

Он оказался жестче нашего домашнего.

Я провела ладонью по подлокотнику.

Это была чужая квартира, с чужой мебелью и чужим запахом. Я даже не знала, где здесь удобнее хранить полотенца.

И все же мне хотелось остаться.

***

Михаил узнал о снятой квартире в четверг вечером.

Я пришла домой после работы, поставила сумку на стул и увидела, что он сидит в гостиной.

Телевизор был выключен.

Перед ним лежал какой-то документ.

— Привет, — сказала я.

— Привет.

Он посмотрел на меня.

— Ты сегодня поздно.

— Договор на квартиру подписывала.

Михаил замер.

— Нашла?

— Да. Уже подписала договор.

Он долго молчал.

Потом спросил:

— Где?

Я назвала район.

— Далековато отсюда.

— Зато до работы близко.

— Сколько стоит?

Я сказала.

Михаил нахмурился.

— Дорого.

— Для этого района нормально.

— Марин, у нас есть деньги. Не надо снимать какую-то клетушку, лишь бы быстрее от меня уйти.

Я сняла куртку.

— Это хорошая квартира. Я сама выбрала.

Он опустил взгляд.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Знаю.

Мы помолчали.

Потом Михаил встал.

— Может, я все-таки съеду? Зачем тебе тратить деньги? Останешься здесь.

— Миш, мы уже обсуждали.

— И что? Я могу переехать. У меня есть возможность.

— А мне хочется начать в другом месте.

Он подошел к окну.

— Ты даже не представляешь, как странно это слышать.

Я не ответила.

— Мы столько лет собирали этот дом, — продолжил он. — Помнишь, как выбирали кухню? Ты тогда три недели не могла решить, какие ручки хочешь.

Я улыбнулась.

— Помню.

— А диван? Ты меня по всему городу таскала.

— Потому что ты хотел купить первый попавшийся.

Он тоже улыбнулся.

На несколько секунд между нами возникла прежняя легкость.

Михаил повернулся ко мне.

И мне показалось, что он снова увидел надежду в том, как легко мы смеемся и вспоминаем одно и то же.

Он сделал шаг ближе.

— Марин...

Я покачала головой.

Он остановился.

Улыбка исчезла.

— Понятно.

Мне стало больно.

— Миш, я не хочу с тобой ссориться.

— Я тоже.

Он сел обратно.

— Что будем делать с квартирой?

— Я думаю, ее придется продавать. Но давай сначала оба спокойно разберемся с оценкой и документами. Я не собираюсь ничего делать за твоей спиной.

— Согласен. Я узнаю, сколько сейчас такие стоят. Потом вместе решим.

— Хорошо.

Он посмотрел на меня.

— А заявление?

Я поняла, о чем он.

— Я хочу начать оформление в ближайшее время.

Михаил тяжело вздохнул.

— Я пока не готов.

— Я понимаю.

— Ты же знаешь, что я не смогу вот так просто прийти и подписать бумаги.

— Знаю. Если не сможем договориться, придется обра-

щаться в суд.

Он поморщился.

— Господи. Никогда не думал, что мы до этого дойдем.

Я тоже не думала. Когда выходила замуж, мне казалось, что впереди у нас целая жизнь. И она действительно была. Двадцать три года.

Я ни о чем из них не жалела.

Но теперь эта жизнь заканчивалась.

— Когда переезжаешь? — спросил Михаил.

— В субботу. Если успею собрать вещи.

— Помогу.

— Не обязательно.

— Марина, я не предлагаю тебе вернуться. Просто помогу перевезти коробки.

Я посмотрела на него.

— Спасибо.

Он поднялся.

— Пойду спать. Завтра рано вставать.

У двери остановился.

— Ты знаешь, что я не перестал тебя любить?

Я сжала пальцы.

— Знаю, Миш.

Он ушел в кабинет.

***

Собирать вещи оказалось тяжелее, чем я ожидала. Трудно было решать, что брать. Хотя и коробки быстро наполнялись, а места в машине было не так много.

Я открывала шкаф, доставала одежду, складывала в сумки.

Потом останавливалась перед какой-нибудь мелочью.

Старый шарф, фотография Саши, маленькая керамическая вазочка, которую мы купили в поездке десять лет назад.

Почти каждая вещь была связана с каким-нибудь воспоминанием.

В пятницу вечером я разбирала книжный шкаф.

Михаил стоял рядом и помогал складывать книги.

— Эти все берешь? — спросил он.

— Да.

— Даже кулинарные?

— Особенно кулинарные.

Он улыбнулся.

— Ты же ими никогда не пользуешься.

— Пользуюсь.

— Марин, я видел, как ты однажды искала рецепт в интернете, хотя книга лежала рядом.

Я рассмеялась.

— Потому что в книге не было нужного.

— Конечно.

Он положил очередной том в коробку и замолчал. Я обернулась к нему.

— Миш?

Он держал в руках небольшой фотоальбом.

Тот самый, бордовый.

Наш свадебный.

— Это оставим здесь? — спросил он.

Я посмотрела на обложку.

— Думаю, да. Пока.

Он провел пальцами по потертому краю.

— Помнишь, как мы выбирали фотографа?

— Помню. Ты хотел самого дешевого.

— Потому что он был хороший.

— Потому что он был дешевый.

Михаил улыбнулся.

Потом положил альбом обратно на полку.

— Знаешь, я до сих пор иногда просыпаюсь и думаю, что все это какой-то плохой сон.

Я опустила книгу в коробку.

— Миш...

— Не надо. Я просто сказал.

Он отступил.

Я подошла к шкафу и закрыла стеклянную дверцу.

В отражении стояли мы оба.

Мужчина и женщина, двадцать три года вместе. И между

нами — коробки.

Мне вдруг захотелось сказать ему что-нибудь хорошее.

Не для того, чтобы дать надежду.

Просто потому, что он действительно был частью моей жизни.

— Спасибо, что помогаешь, — сказала я.

Михаил кивнул.

— Не за что.

Потом спросил:

— Ты уверена, что не пожалеешь?

Я посмотрела на него.

— Нет.

Он удивленно поднял голову.

— Что?

— Не уверена, что никогда не пожалею. Наверное, будут дни, когда мне станет страшно или одиноко. Я же не знаю заранее, как все сложится.

Он молчал.

— Но оставаться только потому, что я боюсь пожалеть, тоже неправильно.

Михаил долго смотрел на меня.

Потом тихо произнес:

— А я бы все отдал, чтобы ты передумала.

Я не нашла ответа.

И впервые не попыталась его придумать.

***

В субботу утром мы перевезли вещи.

Михаил настоял, что поможет с тяжелыми коробками. Я не стала спорить. Кроме того, часть вещей мы отправили с небольшой грузовой машиной.

На новом месте он сразу заметил, что у кухонного шкафа плохо закрывается дверца.

— Надо петлю подтянуть.

— Хозяйка обещала мастера вызвать.

Он проверил окно.

— Здесь уплотнитель старый.

— Миш.

— Что?

— Я разберусь.

Он посмотрел на меня.

— Я просто хотел помочь.

Я вздохнула.

— Знаю. Прости. Я сегодня нервничаю.

Он опустил руки.

— Я тоже.

Мы стояли посреди комнаты.

Коробки громоздились возле стены. На диване лежали пакеты с одеждой. Рядом с окном стояла моя любимая напольная лампа, которую Михаил привез отдельно, чтобы не раз-

бить.

— Куда ее поставить? — спросил он.

Я посмотрела на лампу.

— Возле стола, наверное.

Он переставил ее, включил в розетку. Теплый свет упал на стену.

— Работает, — сказал он.

— Спасибо.

Михаил выпрямился.

Посмотрел на комнату.

— Нормально здесь.

— Да.

— Только тесно.

— Мне хватит.

Он взял куртку.

— Ладно. Поеду.

Я проводила его до двери.

Он остановился на пороге.

— Марин, если что-нибудь понадобится, звони.

— Хорошо.

— Я серьезно.

— Я знаю.

Он посмотрел на меня.

В его глазах стояли слезы.

Михаил редко плакал.

За двадцать три года я видела это всего несколько раз.

И сейчас мне стало так больно, что я едва удержалась от желания обнять его.

Он сам шагнул ближе.

Осторожно коснулся моего плеча.

— Я люблю тебя.

Я закрыла глаза.

— Миш...

— Не отвечай. Я знаю.

Он убрал руку.

Потом вышел.

Я услышала, как он спустился по лестнице.

Через несколько минут хлопнула дверь подъезда.

И наступила тишина.

Я стояла возле входной двери.

В руке держала связку: два ключа, которые теперь открывали мой новый дом.

Пусть временный.

Пусть чужой.

Но мой на ближайшие месяцы.

Я повернула ключ в замке.

Щелчок прозвучал неожиданно громко.

Потом прислонилась спиной к двери и заплакала. Некрасиво, громко. Сползла на пол и закрыла лицо руками.

Мне было страшно.

Я не знала, правильно ли поступила.

Не знала, как переживет это Михаил.

Не знала, когда Саша перестанет злиться.

Впереди были документы, разговоры, раздел имущества, чужие вопросы.

А я сидела на полу съемной квартиры среди коробок и плакала.

Наверное, минут двадцать.

Потом устала.

Вытерла лицо рукавом.

Поднялась.

Пошла на кухню.

И поняла, что у меня нет ни одной чистой чашки.

Все лежали в коробке, которую я поставила под письменный стол.

Я вытащила коробку, распаковала, достала старую синюю кружку с отколотым краем.

Эта кружка была моей еще до свадьбы.

Я купила ее на первом курсе.

Михаил всегда смеялся, что она переживет нас обоих.

Я налила воду в чайник, включила его и села у окна.

Во дворе дети играли с мячом. Возле подъезда разговаривали две женщины. Где-то на соседнем балконе работало радио.

Обычная жизнь.

Никому не было дела до того, что я только что ушла от мужа.

И это оказалось неожиданно утешительным.

***

К вечеру я разобрала почти половину вещей. Повесила одежду, расставила книги. Положила на письменный стол рабочий блокнот и ноутбук, на подоконник поставила маленькую фотографию Саши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.